

К. ШЕМЕТОВ

АРХЕОЛОГАМ
БУДУЩЕГО

ВЫВОЗ МУСОРА

01

2015-2017

Vila do Conde
Ponta Delgada
New York
Köktöbel
Königsberg
Stockholm
Port Righ
Bairiki
2004 XR₁₅₀ (Баффи)
South Pole (ASS)
Санкт-Петербург
Москва

[... РФ выглядела помойкой. От неё дурно пахло, внизу копошились мухи, а над мухами кружил Владимир Путин в образе поливальной машины.]

Antonio Gomes

Trash Removal

[... Хочу быть тостером, подключённым к Интернету, но без Рунета, а, скажем, в пределах европейских доменов или доменов американских штатов. Будучи таким тостером, я думал бы, что Россия – вымышленная страна и воспринимал бы её как весёлые комиксы... Моиими друзьями были бы подсоединённые, как и я, к облачному сервису, кофеварка, стиральная машина, миксер и холодильник. Куда проще, короче, быть тостером в Интернете вещей, нежели человеком в идиотской стране.]

«Геликон Плюс»

Константин Шеметов

Вывоз мусора

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40356131

Шеметов К. Вывоз мусора: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-00098-160-3

Аннотация

Главный герой романа, начинающий астрофизик, покидает Россию из-за установившейся там диктатуры. В Европе он обычный дворник, зато свободен. В порядке факультатива беглец продолжает занятия наукой, увлекается живописью, много пишет и изобретает способ перемещения между реальностями. Изучая многообразие параллельных миров, он задаётся вопросами, «вывозит мусор» (мусор постправды, заблуждений, догм) и постепенно находит своё идеальное место для жизни.

Метафора внутренней эмиграции в период путинизма. Новые гаджеты, приложения, формы протеста. Антропология момента, фиксация страха, растерянности, альтернативная радость. Роман в романе.

Книга лучше реальности.

Содержание

Часть первая. Мусор	5
I. Мусорный бак	5
II. Вонь	15
III. Грязь	28
IV. Выход	41
V. Пыль	55
VI. Пылесос	69
Часть вторая. Туннельный эффект	85
I. Пневматический мусоропровод	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Константин Шеметов

Вывоз мусора

© Шеметов К., 2018

© Геликон Плюс, макет, 2018

* * *

*По безнадежности все попытки воскресить
прошлое похожи на старания постичь смысл
жизни.*

Иосиф Бродский, «Меньше единицы»

Часть первая. Мусор

*У меня на такие запахи чутьё.
Харуки Мураками, «К югу от границы, на запад от Солнца»*

I. Мусорный бак

В транзитной зоне аэропорта встретились двое: она возвращалась, он улетал. Он когда-то любил её, она нет. Но теперь уже всё – это последнее их свидание. Она знала его как Тони (Антонио Гомес, Тони-curiosity, любопытство – по названию марсохода: все их беседы сводились к Марсу, экзопланетам и гравитации), а Тони помнил её как Эл (Элла-Баффи – в связи с астероидом из области рассеянного диска, транснептуновый объект 2004 XR₁₉₀).

Стояло лето, июнь, аэропорт Вильнюса. Он спросил её: «Как ты?»

– Никак, – Баффи возвращалась из Барселоны. – Красиво, конечно, но дома лучше.

– Лучше?

Он не сказал бы. Во всяком случае, он не вернётся. В РФ ему плохо, и ладно бы плохо – стыдно. Тони стыдился своей страны, её президента и электората этого президента. Его

страна нарушала границы, захватывала территории и убивала инакомыслящих. Он был как птица. К примеру, голубь, но голубь отравлен – ему не жить, трафарет мыши (а не мышь) или собака с глазами, полными слёз и уже мёртвая – с ней похитился догхантер (православный активист и колорад).

Короче, он был собакой – мёртвой, а до того шатающейся переулками, считай бездомной, но совершенно безвредной. Последние год-два Тони работал астрофизиком в институте имени Штернберга, где хоть и не открыл ни одной звезды, планеты или астероида, зато немало придумал их – и свои звёзды, и планеты с астероидами (а художнику дом не нужен).

– Меня это не касается, – ответила Эл.

На том и расстались.

Она вернулась в Москву. Он прилетел в Лиссабон, а оттуда в Конди (Vila do Conde), где устроился дворником, снял комнату с видом на море и, казалось бы, зажил счастливо, но нет.

Время от времени, хватая метлу или заглядывая в мусорный бак, Тони перемещался на одиночный пикет в Россию. Подчас он путался – вроде бы и не РФ, но вокруг все пришибленные (глаза пустые, говорят по-русски). И точно – пару раз его занесло в Тирасполь, он «посетил» Харьков, Одесу, муниципий Комрат в Молдове, Сухуми в Грузии и метеостанцию «Прогресс» в Антарктиде. Завидев Тони на пикете (а пикет, естественно, запрещённый), милиционеры аресто-

вывали его, насильовали шваброй и выбрасывали на помойку. На помойке Тони приходил в себя, и всякий раз помойка оказывалась помойкой в его родном уже Vila do Conde. Он был потрясён, но старался не выдавать себя и как ни в чём не бывало продолжал работу.

Вот и на этот раз, сунувшись в мусорку на авенида Бразилия, Тони будто ударился головой. Ударился больно. Он вскрикнул и вдруг очутился у Соловецкого камня в Москве. На шее у него болталась табличка «Путин хуй», Гомес был повёрнут к Политехническому музею, а часы у метро показывали второе августа, 9:49.

Всё правильно. Минуту назад, в 7:48 по Гринвичу, он подтаскивал последний на сегодня контейнер к мусоровозу RosRoca. Испанский производитель явно постарался: машина и выглядела красиво, и функционально была ничуть не хуже немецких или даже американских аналогов. Строго говоря, RosRoca являлся мировым лидером на рынке мусоровозов с фронтальной, боковой и задней загрузкой и с объёмом кузова от 6 до 43 кубометров. Помимо мусоровозов компания производила мусорные контейнеры, мобильные станции очистки и автоматические пневмосистемы сбора отходов. Прекрасное оборудование, размышлял Тони, недорого и эффективно. В основе качества продукции RosRoca лежали ни много ни мало 60 лет опыта.

И на ж тебе – «Путин хуй». «Путин хуй», да ещё в Москве. Гомес сроду не выходил на одиночный пикет до отъезда, и

вот случилось.

Воскресным утром в Москве безлюдно.

Лишь девятый троллейбус пошёл на круг, да собака (вид-но, беременная) едва держалась метрах в пяти и всё поглядывала на Тони, но хуй ли Путин или нет – ей было без разницы. Собака устала жить. И тут к Гомесу подошли два милиционера.

– Путин хуй, значит? – спросили они.

Гомес кивнул.

– Пройдёмте с нами.

И он прошёл.

Как и прежде, слуги режима отвезли его в участок, там изнасиловали (всё той же шваброй), а уже в 7:50 Тони очнулся в своём мире. В привычном мире русского отщепенца и дворника Vila do Conde: контейнер, помойка и RosRoca на шасси Mitsubishi Fuso. Мусоровоз имел фронтальную загрузку, эргономичный пульт управления и был оснащён прессующей плитой. Лишь запястья болели от наручников и жопа.

Хотя бы жопа, подумал Тони. В целом же он был здоров и вполне мог работать. «Кто не работает, тот не ест», – припомнил он надпись в своём институте, где никто не работал, но все как-то ели, и не болели у них ни жопа, ни запястья.

Гомес вообще сомневался, открыли ли его бывшие коллеги хоть какую-нибудь галактику, звезду или экзопланету. Вряд ли. Во всяком случае, после сталинской шарашки ни о

чём таком тут не помышляли: не было ни денег, ни любопытства. Молодые сбегали, а старых гоняли на Поклонную – то Путину поклониться, то колорадам (донецким и своим, естественно) или даже Обаме («Обама, верни наши пенсии!»). Мусор, короче.

И то – после окончания университета Тони продержался здесь почти два года. Самые страшные, думалось ему, годы после советской власти: Россия захватила Крым, развязала войну в Украине и избавилась от лучших своих людей. Многие уехали (Маша Слоним, к примеру, Дмитрий Зимин и Илья Франк). Кто не успел – сидели по тюрьмам или умерли, а немало и поубивали. Специально или так случилось (какая разница, в самом деле), не стало Натальи Горбаневской, ушла Валерия Новодворская, умер Алексей Девогченко и был застрелен Борис Немцов. Убийство Бориса Немцова, в сущности, стало последней каплей для Тони – он больше не мыслил себя частью режима, РФ опротивела ему, и Гомес засобирался.

Как он и предполагал, самым трудным оказалось найти работу. И всё же, несмотря на кризис и безработицу, некоторые профессии за рубежом ещё были востребованы. В США, к примеру (уровень безработицы 5,3 %), требовались врачи, в Канаде (6,8) – лесорубы, а на Гаити (40,6) – бандиты. Германия (4,7) принимала беженцев из Африки, Англия (5,6) – владельцев футбольных клубов, а Греция (25,5) – левых радикалов и бездельников.

Астрофизиков без имени, естественно, никто не принимал. Как, собственно, никто не принимал писателей без имени, музыкантов без имени и без имени же диссидентов. Украина (11,0) принимала известных политиков, экономистов и даже русских (казалось бы!). Испания (23,8) принимала известных футболистов, Босния и Герцеговина была на распутье (43,3), и лишь Португалия не гналась за славой (13,7) – страна выбиралась из кризиса и набирала штат дворников.

Тони не имел ничего против дворников, да и сам он, если копнуть, был почти португальцем. Во всяком случае, его прадедушка слыл португальским социалистом. В период диктатуры Салазара он состоял в сопротивлении, был арестован и в 1947-м умер от пыток. Дедушка Гомеса (Вашку Гомеш) в 1961 году бежал от службы в армии в СССР, где обосновался под именем Василий Гомес (выдавая себя за испанца-коммуниста). В 64-м Вашку женился на русской, а в 66-м у них родился Вашку-младший (будущий отец Тони). Приехали.

Так что Гомес не колебался. Он возвращался на родину, если хотите. И даже тайная его любовь к Англии (а та принимала, как мы знаем уже, преимущественно владельцев футбольных клубов), не осталась безответной. Прабабушка Тони, узнал он из Интернета, была истинной британкой и дочерью известного в ту пору художника Ллойда Брауна. Им-

прессионист и затворник, Браун писал помойки, гниющую Темзу и предзакатное солнце над свалками Грейс-Таррок.

Что до Тони – он родился в 1991 году в Москве в семье Вашку-младшего (Виктора Гомеса) и пианистки из Ужгорода Милены Шносицкой. В 2008-м Тони поступил в МГУ, а в 2011-м родители Гомеса трагически погибли, катаясь на лыжах в украинских Карпатах (и предоставив юному астроному самостоятельно разбираться и со звёздами, и с родословной). Тем не менее в тринадцатом Тони успешно окончил университет и устроился лаборантом, преподавателем и «открывателем звёзд» в Государственный астрономический институт имени П. К. Штернберга (ГАИШ).

И снова мусор. Видно, Тони начертано: даже в ГАИШе он занимался мусором. Правда, космическим, но велика ли разница? Мусор как данность. Мусор повсюду, он вездесущ, а его следы, не сомневался астрофизик, как ничто другое указывают на присутствие жизни. К тому же – *время*. Время и космический мусор были излюбленной темой Гомеса. «Земля и время, – записал он как-то, – что осенние листья. По осени от нападавших листьев Земля становится тяжелей, и время на ней замедляется». Романтик, короче. Время у него то замедлялось, то ускорялось – шёл ли дождь, падал снег или он влюблялся. С приходом Путина на третий срок любовь в России стала невозможной, вот он и уехал (Антонио Гомес – астрофизик из института Штернберга, а теперь дворник в португальском Vila do Conde).

Скажем так: космическое пространство полно мусора. Мусор летает там, и зачастую отличить его от планет (или тех же звёзд) почти невозможно. Глядя из России, похоже, что звёзды, а из Vila do Conde – нет, всё же мусор. Да и сама РФ выглядела помойкой. От неё дурно пахло, внизу копошились мухи, а над мухами кружил Владимир Путин в образе поливальной машины. «Дорожного пылесоса», – смеялся Гомес, но как-то с грустью, ведь не до смеха было: «пылесос» Путина забирал воздух. До последней молекулы забирал воздух свободы.

Дышать было нечем, зато мусора прибавлялось. РФ буквально утопала в мусоре, да и сами русские, как не раз уже убеждался Тони, – результат отрицательного отбора: худшие из тех, кто выжил, и лучшие из убийц.

В этой связи его «одиночные пикеты» представлялись Гомесу как своего рода наказание: за то, что молчал, пока жил в РФ (а должен был бы кричать во всю глотку), за то, что занимался не пойми чем, да ещё в государственной шарашке (а свободный человек не должен работать на тюремщиков), и за то, что вообще считал себя русским (а не португальцем, коим был его прадедушка, или подданным британской королевы, по примеру его прабабушки).

За всё это он и наказан, не сомневался дворник, и ведь прав был, зараза – в РФ не додумались даже до отдельного сбора мусора. Мусор в России сваливали в кучу (еда ли

это была, пластик или металл), а местные позже (или птицы) как-то сами всё подъедали. Особенно ценными считались западные продукты, изъятые из магазинов под видом испорченных. И хоть вид у этого «пармезана» был так себе, его и птицы клевали, и люди таскали. Мешками, можно сказать, таскали: притащат домой, съедят – и на выборы (любимого президента на пятый срок!). А ведь до выборов ещё дожить надо – невесёлая перспектива.

Придя в себя после «пикета» (второе августа, утро, Конди), он тем не менее задумался: КАК? Каков механизм «наказания», и за счёт чего (какой энергии) этот механизм работал? Ведь ясно же – ничто не берётся из ничего. Мусоровоз, к примеру, изготавливают из пластика, металла и резины, а предприятие RosRoca – это громадная сеть поставщиков и персонала. Гомес и сам был частью этой сети, собирая пластик, металл и резину и предоставляя тем самым сырьё для мусороперерабатывающих заводов. Физическая энергия Тони в данном случае преобразовывалась, скажем, в гранулы пластика или прокатный лист.

Так же и с его «пикетами» – они явно были следствием некоторой функции. На вход загадочного процесса поступала неизвестная величина «икс», а на выходе получался «Путин хуй» (у Соловецкого камня). Или взять Землю, да те же звёзды с галактиками. В соответствии с теорией божественного происхождения их возникновение – чистый фокус. Но

фокус – не волшебство, а, как известно, строгая и выверенная с математической точностью, последовательность действий. Опять же процесс – со своим входом и выходом.

Сперва он решил, что просто ударился головой о контейнер. Ударился, потерял сознание и увидел сон. Но нет – головой он не ударялся. К тому же случилось, достаточно было даже к контейнеру не подходить: убрать с дорогидохлую крысу, скажем, или почистить туалет на улице Мануэля Фернандеша – и он уже «перемещался». Что до контейнера воскресным утром – Антонио лишь заглянул в бак. Заглянул в бак, и то ли вид мусора на него подействовал, то ли запах (точнее, вонь).

II. Вонь

Согласно словарю Ожегова, «вонь» – это дурной запах, и там же: «вонища» – очень сильная (нестерпимая) вонь. Возможно, в этой «вонище» и крылся (секрет успеха) механизм перемещения в «одиночный пикет», размышлял Антонио Гомес, дворник из Конди и запоздалый протестант на Лубянской площади. Ведь и запах, насколько он знал из биологии (да и вообще знал – «потерять нюх» в России означало рисковать жизнью), представляет собой сильнейший раздражитель мозга.

Пятого сентября Гомес прогулял работу и отправился к морю. Условно говоря, он сел в поезд и по примеру Джоэла из «Чистого разума» уехал в Монток («Вечное сияние чистого разума», *Eternal Sunshine of the Spotless Mind*, фильм Мишеля Гондри, снятый по сценарию Чарли Кауфмана, в главных ролях Джим Керри, Кейт Уинслет; США, 2004). «Какая же холодрыга на этом пляже! – (Тони цитировал персонажа Керри), – Монток в феврале». Но нет – на набережной Конди стояла жара, + 33 (при такой температуре мусор «излучал» не то что вонь – он смердел). Из головы не выходил запах помойки.

И тут вонь ушла.

Вонь ушла. Подул ветер. Ветер принёс с собой чистейший запах водорослей, свежей рыбы и аромат солнцезащитной

косметики. Шум прибора усилился, а к Антонио приближалась, радостно улыбаясь и подпрыгивая, Подравка Смешту – беженка из Чадыр-Лунга (Молдова) и уборщица в магазине бытовой химии Henkel. В самом имени этой Подравки слышался смех, и снег падал, и кто-то словно поддразнивал тебя.

Они познакомились в кафе с месяц назад и – странно – тут же притянулись. «Притягивающиеся стороны», – размышлял позже Тони, вообразив абстрактную и с элементами философского символизма картину. Картина содержала две повернутые горизонтально буквы «Т» – одна на жёлтом фоне, другая на зелёном. Буквы притягивались друг к другу подобно бамперам железнодорожных вагонов. Притягивались, но не касались, а их касание означало бы ошибку: вагоны сошли бы с рельс, пассажиры погибли бы, и на этом всё. Подравка Смешту была не подарок. Она, впрочем, и не скрывала, что не подарок, называя себя «мстительной сучкой». С этой «сучкой», как ни крути, Тони и мог разве что бегать по пляжу, но билеты у них были хоть и с одного вокзала, зато в разных вагонах, да и поезда, собственно, были разные. Сучка ехала, куда поезд вёз, а он всё ж таки в «Монток» – подальше от людей, ближе к морю и, образно говоря, к своему мусору (в надежде избавиться от него).

– Вряд ли избавишься, – словно угадав его мысли, возразила Подравка и, притормозив, кинулась к нему. – Как же я рада! – неожиданно тихо промолвила она, и тут из её глаз потекли слёзы.

– Ну что ты, Сучка? – Гомес растерялся и лишь прижал её к себе, не зная, как быть, и полагаясь на шутку. Полагаясь на время, случай и страшась беды. «Онкология – это накопленные ошибки», – припомнил он передачу на радио «Свобода» об онкологии в России. Главная проблема рака там заключалась в поздней диагностике (больные думают, что здоровы, но вскоре умирают).

Как выяснилось, Подравка тоже была на «пикете». Накануне она убиралась у кассы и, услышав русскую речь, упала в обморок. Была ли эта речь русской – так и неясно, но там, где она очутилась, все и впрямь говорили по-русски. А очутилась она в своём распрекрасном Чадыр-Лунге. Сучка стояла на площади у памятника Ильичу – полная ужаса и с табличкой «Русские, вон!». Подобно Тони в Москве, её арестовали и изнасиловали, но не шваброй, как Гомеса, а айподом с записями популярных российских исполнителей. «Путинские шестёрки, блядь!» – выругалась Сучка, и точно: плеер содержал не менее тысячи треков – от Валерии до неизлечимо больного Иосифа Кобзона (певца и депутата нижней палаты).

– Вся их палата неизлечимо больна, – заключила Подравка и в который раз уже прильнула к Антонио.

Хотя бы вернулась, утешал себя Гомес.

Значит, он не один такой. Вот и Сучка – она ведь тоже, будучи в своей Гагаузии, старалась не высовываться. В Ча-

дыр-Лунге власть давно уже взяли колорады, и если формально автономией руководил очередной башкан (из местных), то на деле он не просто слушал Валерию с Кобзоном, а являлся их ярим поклонником.

В данный момент таким башканом была некто Ирина Влах – идейная коммунистка, почитательница Путина и сторонница интеграции с РФ. Она осуждала Евромайдан, приветствовала захват Крыма и сочувствовала украинским сепаратистам. Да и как не сочувствовать? Гагаузы и сами были сепаратисты. 98 % избирателей автономии являлись противниками ЕС и мечтали о Таможенном союзе.

Референдум, правда, был незаконным, но кто помыслит теперь о законе в русскоязычном сообществе?

– Никто, – отозвалась Подравка.

Вот и она, зная о таком положении, старалась не высываться. В сущности, это и был её максимальный протест – она замкнулась, а когда башканом стала Влах, попросту сбежала. Присоединение к России Смешту воспринимала как плен. Она и без того чувствовала себя в плену (спасибо, не надо), так что хватит с неё советской эстетики. Оказалось – нет. «Эстетика» не отпускала, и «одиночный пикет» был тому подтверждением.

Уборщица и дворник подобрались к самому океану. Погода испортилась. Пошёл дождь, и вся картина вдруг переменялась. Волны накатывали всё с большей силой, они взрывались, и за их грохотом уже не слышались ни дождь, ни ге-

ликоптер в небе, и не запах пляжа теперь являлся источником сенсорной перегрузки, а интерференция летучих соединений морского дна.

Русская речь у кассы, впрочем, не всё. Подравка призналась, что добавила в пылесос немного VAX (шампунь для моющих пылесосов), а на этот VAX у неё аллергия. И снова вонь – из-за этой вони, подозревал Гомес, Смешту вполне могла потерять сознание, отсюда и кошмарный сон с пикетом в Чадыр-Лунге. Весьма наивное предположение, но не в русской же речи искать разгадку. К тому же и он, когда заглядывал в мусорку, не слышал никакой русской речи, а ощущал лишь вонь. Можно сказать, вонищу (сильную и нестерпимую). Интересно, привыкнет ли он к ней?

Можно ли вообще привыкнуть к вони? На какое-то время – да. Но в целом система обоняния устроена так, чтобы обеспечить человеку максимальную возможность для определения опасности. За редким исключением, правда. К примеру, люди весьма скоро перестают ощущать запах сероводорода – отсюда и частые смерти в нефтяной и газовой промышленности. В целом же, механизм привыкания к запахам (как и вообще механизм привыкания к чему-либо) далеко не изучен.

Да и как понять – привык ты или приспособился? Нельзя же привыкнуть к концлагерю, скажем, болезни или к смерти любимой – зато можно приспособиться. И наоборот – человек с лёгкостью привыкает к комфорту, деньгам или даже к

унижению (если унижение сулит деньги и так далее, включая комфорт). В данном контексте сульфид водорода – как гибридная война: сначала он парализует обонятельный нерв, вам кажется, что всё в порядке, но вскоре вы умираете. По-напрасну и совершенно бесславной смертью донецкого сепаратиста, заключил Тони, так и не решив, что лучше (на счёт вони) – привыкнуть или приспособиться.

Остаток субботы он провёл в одиночестве, простившись с Подравкой и изрядно расстроенный собственной беспомощностью. Ночью Тони смотрел за звёздами (чистое небо, скопление Плеяд), а наутро Интернет взорвался сообщениями из Молдовы: в Кишинёве началась многотысячная акция протеста. «Молдавский Майдан» – по определению Би-би-си. Но удивительно – протестующих волновала лишь коррупция (из бюджета похищен миллиард евро), а отнюдь не русификация страны и не угроза потери территорий.

Видно, и вправду им всё равно. Насмотревшись на Украину с Грузией, они как бы знали всё наперёд и были предельно осторожны. Не трожь говно, как говорится, оно и вонять не будет. В том то и дело – будет. Не так сильно, конечно, как могло бы, но будет (и уже). Возможно, молдаване делали ставку опять же на привыкание (лучше привыкнуть к слабой вони, чем умереть от нестерпимой). Может, и так, Тони не знал.

В воскресенье он прихватил на работу респиратор, дышал

ртом и, хоть с виду напоминал собаку, ощущал себя окунем в магазине морепродуктов на Rua de Tras. До сих пор окунь плавал в аквариуме, но теперь его вынули, засунули в пакет, и рыба думала, как поступить. «В пакете у окуня два варианта, – запишет чуть позже Тони, – затихнуть (сдаться) или всё же попрыгать, показав окружающим, какой он храбрый, и те испугаются. Персонал магазина и покупатели придут в смятение. Подтянутся зелёные, активисты Майдана, Мемориал с OBSE и, если повезёт, окуня отпустят».

Второй вариант кажется нам предпочтительным, но ведь найдутся и противники: явятся милиционеры, Потребнадзор, исламисты, православные, ФСБ. Да мало ли кто явится: коммунисты, чинуша из Единой России, нашисты, ЛДПР, а то и Сильвио Берлускони с Путиным. Их появление будет встречено одобрительным похрюкиванием, а из окуня сварят уху – древнейшее блюдо национальной кухни.

В любом случае – то, что Антонио дышал ртом, пошло на пользу: Тони не упал в обморок, не стоял в пикете и не попал в участок. За работой он много думал: о вони, о запоздалом протесте («Путин хуй!»), и к вечеру, кажется, кое-что прояснилось. Загуглив в Интернете «запах» и «обоняние», он открыл для себя массу интереснейших сведений.

Начать с того, что существует множество теорий восприятия запаха и ни одна из них не доказана полностью. Нет даже единого понимания самой природы запаха, не говоря уже о механизмах его воздействия на мозг.

Дался ему этот мозг. Но если не мозг, то что? Именно в мозге сосредоточены центры памяти, речи, совести, как он выяснил, и даже раскаяния. Мозг человека содержит миллиарды нейронов. Как звёзд в галактике. Они рождаются, живут и умирают, не прекращая колебаний до самой смерти и создавая вокруг себя электрические поля, подобно фонарным столбам, объединённым в единую энергосистему космического пространства.

Вот Тони и решил: если не мозг, то что (переносит его на пикет в приступе психоза)? Вряд ли жопа, как и не пенис (трепетно встающий при виде Подравки) и, естественно, не ноги, несуразно вытянутые под влиянием новой экранизации «Пены дней» Бориса Виана (*L'écume des jours*, режиссёр Мишель Гондри, в главных ролях Ромен Дюрис, Одри Тоту, Гад Эльмалех; Франция, Бельгия, 2013). Сколь модернистским ни являлось бы творчество французского писателя, не сомневался Тони, удлинённые ноги, опять же, управляются мозгом.

На самом деле всё, что известно о механизме распознавания запахов, можно сравнить с фрагментами сложнейшей головоломки, однако цельной картины так и нет. Известно, что за восприятие запахов отвечают специальные рецепторы, расположенные в носовой полости. Известно также, что существует множество видов рецепторов, каждый из которых реагирует на молекулы определённого типа. При встрече с такой молекулой (молекулой-одорантом) рецептор воз-

буждается и передает соответствующий импульс в нервную систему.

Предполагается, что каждый рецептор может реагировать лишь с молекулами конкретного типа и молекула-одорант выступает в роли своеобразного ключа, который «подходит» лишь к единственному рецептору. Однако эта логичная и внешне непротиворечивая модель плохо соотносится с экспериментальными данными. К примеру, известно, что молекулы идентичной формы могут пахнуть совершенно по-разному, в то время как абсолютно разные молекулы нередко пахнут одинаково. Чтобы объяснить эти несоответствия, необходимо выяснить, как именно взаимодействует рецептор с молекулой-одорантом.

Как бы то ни было, Гомес предпочитал так называемую *Квантовую гипотезу*, предложенную биофизиком Лукой Туриным (Luca Turin) в 1996 году и подтвержденную позже экспериментально группой учёных из Лондонского центра нанотехнологий (London Centre for Nanotechnology, LCN). Они пришли к выводу, что в основе восприятия запахов лежит туннельный эффект, описанный в рамках квантовой физики: благодаря волновым свойствам элементарная частица может перемещаться вопреки классическим законам. Элементарные частицы, к примеру, способны преодолевать непроницаемый барьер и даже переходить в невозможные, казалось бы, энергетические состояния.

Исследователи предположили, что под действием атомар-

ных вибраций одоранта электроны в молекуле-рецепторе переходят в запрещённый энергетический статус, формируя нервный импульс. При этом разные рецепторы реагируют на вибрации конкретной частоты, а не на молекулы конкретного типа.

По мнению исследователей, распознавание одорантов больше похоже на считывание магнитной карты, нежели на взаимодействие типа «ключ – замок». То, что рецепторы реагируют в первую очередь на колебания молекул, позволяет объяснить феномены, противоречащие традиционным представлениям, – прежде всего тот факт, что разные по строению вещества пахнут одинаково, а практически идентичные – абсолютно по-разному. Частота колебаний атомов в молекуле определяется ее размером, составом и формой, при этом молекулы разной формы могут производить очень похожие колебания. Учёные отмечают, что химическое и механическое распознавание молекул тоже способно играть определённую роль в распознавании запахов, однако ключевыми здесь являются именно квантовые эффекты.

Гипотеза как гипотеза, но в отличие от других подобных теорий Тони привлекала здесь роль вибрации. Если он правильно понял Турина, колебания атомов вполне могли спровоцировать и собственно механизм, так сказать, «переноса на пикет». Вибрации в носовой полости создавали электрическое поле (чем сильнее вонь, тем выше мощность), электричество проникало в мозг и там усиливалось колебаниями

миллиардов нейронов, производя «панику», в том числе и в отделах, ответственных за воображение.

На этом «воображении», правда, Гомес остановился.

Что дальше – он не представлял, да и как представить? Ведь если параллельный мир на самом деле существует, едва ли для переноса туда хватит «паники» (читай – электрического поля нейронов). Даже исходя из более-менее доказанной Интерпретации Эверетта перемещение в другую реальность требует огромной энергии. «Энергии воображения», – искал Тони простых сравнений, чтобы как-то продвинуться и не заскучать. Интерпретация Эверетта (или Множественная интерпретация квантовой механики, Many Worlds Interpretation) была сформулирована американским физиком Хью Эвереттом (Hugh Everett) ещё в пятидесятых и действительно допускала существование в некотором смысле «параллельных вселенных». Согласно гипотезе, в каждой такой вселенной действуют одни и те же законы природы, им свойственны одни и те же константы, но находятся они в различных состояниях.

В ту ночь он так и не заснул, а к утру позвонил Эл: не знакома ли она с работами Хью и как Элла думает, хватит ли у Тони энергии (энергии воображения) для нескольких реальностей?

Нет, с работами Эверетта Баффи не знакома.

Она спала, за окном у неё шёл дождь. Что же за человек

этот Тони! Видно, не зря он нашёл её в космосе (рассеянный диск). Нашёл бы на Земле – не звонил бы. Не звонил бы, давно разлюбил бы её и не придумывал её образ. Ведь она не такая. Не такая, как раньше, и уж тем более не такая, какую он придумал себе. Впрочем, и не придумать её Тони не мог. Любовь придаёт воображения, а безответная любовь особенно.

– Не знаю, Тони, всюду вонь.

В Москве и правда стояла вонь. В воздухе летали молекулы стирола и бензпирена. Содержание фенола вызывало тревогу у мировой общественности. Всюду кружились формальдегид, сероводород и говно. Судя по сводкам метеорологов, говно прилетало с юго-востока. Концентрация диоксида азота явно зашкаливала. В целом же запах столицы напоминал запах выгребной ямы. Иначе говоря, русские дышали канализацией, а МЧС их уверяло, что нет, это не говно и воздух пригоден для жизни. Редкие дожди что-то там смывали, но даже Баффи ощущала гадкую во всём том ложь.

– Я и сама стала врать. Не верь мне, – Эл приоткрыла окно. После дождя воздух и впрямь казался чище.

– Не буду, – ответил Гомес. Он явственно ощутил прилив радости (мало ли что означает «не верь»). – Не буду, – согласился Тони и повесил трубку.

Видно, он и вправду влюблён. Отсюда открытость, уколы совести и, вероятно, воображение (как знать?); образы, запоздалый протест и как следствие – причудливые «пикеты».

Стоит же разлюбить – начинаешь всего бояться, и уже всё равно, чем дышать – фенол ли это, сероводород или выгребная яма.

То же и с Сучкой, подумал Тони. Если верны его предположения, Подравка запала на него и уже создаёт его образ. Так же как и он, Сучка открыта, по-своему счастлива, но и боли хватает. Могла ли она помочь ему? Вряд ли. «Никто не мог мне помочь», – вторил он Уэльбеку («Лансароте»). Разве что время. Хотя и тут засада: по осени от нападавших листьев Земля становится тяжелей, и время на ней замедляется. Замедляется, а в интервале между влюблённостью и равнодушием у них – вывоз мусора. Процедура тревожная, местами опасная, и неизвестно, чем всё закончится.

Наступила осень. Работы у Тони прибавится. Как и грязи.

III. Грязь

...Прохожих осыпало снегом, который под их ногами превращался в грязь.

Мишель Уэльбек, «Лансароте»

Тони, как и все депрессивные люди, страдал от неспособности наслаждаться жизнью – вот что он думал о себе, и не зря. Гомес необычайно остро реагировал на грязь, а грязь так или иначе связывалась у него с РФ. В более широком плане – с диктатурой, озлобленностью населения, запущенностью мысли, науки, быта и так далее. Ведь пример заразителен: страны-изгои с удовольствием подражали русскому похуизму.

И не только изгои. Насколько он мог заметить, Европа и Португалия, в частности, скатывались туда же. Никто не хотел жить по средствам, левые партии брали верх, а коалиции с правыми топтались на месте. Иными словами, грязь, от которой давно уже избавились в США, прекрасным образом обитала в голове у европейцев. Её никто не вывозил. Более того, она прибывала извне (Аллах бах-бах), а от пособий чище не становится.

Наступил ноябрь. Год назад, в 2014-м, он как раз занимался визой, продавал квартиру и как-то пытался достучаться к Эл, но так и не достучался. Баффи, как и её прототип-астероид, кружила в окрестностях Плутона. В данном случае –

вымышленного Плутона: чёрт знает где, увлечённая идеей русского превосходства и притянутая к идиотизму гравитацией Гостелерадио.

Прошёл год, и вот всё кончено. Элла притянута, а он наблюдает из своей свалки демонстрации Левого блока (Bloco de Esquerda). Начавшись в Лиссабоне, они докатились до Порту, и даже в крохотном Vila do Conde нет-нет да и развевались красные флаги популистов.

И ладно бы флаги, 24 ноября, во вторник, Тони снова попал на «пикет». В этот раз он переместился к дому Волошина в Коктебеле (Украина, Крым). Тони стоял лицом к морю. Набережная была пустынна. Собака да с десятков котов с надеждой взирали на него, но дать им было нечего. В карманах комбинезона оказались лишь перчатки из плотного брезента, защитная маска (по какой-то причине Гомес не надел её, а зря) и «Элементарные частицы» Мишеля Уэльбека (издание «Иностранки» – изрядно потрёпанное, с пометками на полях и с загнутыми через раз страницами). Тони любил эту книгу, помнил, где и когда купил её (в книжном РГГУ, шёл снег, приближался к концу две тысячи седьмой, но красочные витрины, как и люди вокруг – что неизбежно в обществе без цели, – лучились искусственной радостью), и не раз перечёл её с тех пор. Возможно, «Частицы» как раз и определили его будущее как учёного. Во всяком случае, Уэльбек и его персонаж – биолог Джерзински стали надолго его друзьями; да и сейчас оставались ими.

Справа от Тони нависал наполовину скрытый облаками Карадаг, слева источал мудрость Максимилиан Волошин (как и при жизни, необъятный, но уже в бронзе), зато чайки над пристанью неистово метались туда-сюда, хотя бы как-то оживляя угрюмую атмосферу колонии. Коты, Волошин и чайки были котами в оккупации, Волошиным в беспамятстве и чайками – призраками грядущей свободы.

Свобода, впрочем, была призрачной, до неё ещё топать и топать, что подтверждалось и надписью на табличке у Тони: «Свобода у кожного в голові, працюйте над собою» (свобода у каждого в голове, работайте над собой).

Гомес, к примеру, уже работал, готовясь к худшему, но милиционеров не было. Не торопятся, подумал он, странно, и решил пройтись. Снял табличку и, завидев неподалёку кафе, обрадовался: хотя бы согреюсь (вряд ли тут принимают евро). И точно: евро тут не принимали, зато кафе называлось «Пролог».

Что-то он не помнил тут никакого «Пролога» (разве что «Пролог» Волошина – тихое признание Андрею Белому в пацифизме, 1915), хотя не раз приезжал сюда и даже подумывал как-то, а не купить ли ему в Коктебеле дом. Небольшой дом, ближе к морю и на возвышенности. Бросить работу, установить под крышей телескоп и наконец-то заняться любимым делом – открывать звёзды. Не вымышленные, как в РФ, а самые что ни на есть реальные. Как Тони помнил, звёзды над Коктебелем буквально усыпали мельчайшей пы-

лью от мела школьную доску в его поганом детстве (и оттого прекрасном своим изоляционизмом).

Образно говоря, украинское небо было в значительной степени более свободным (от искажений, обмана, насилия) в сравнении с небом над РФ. Дом он не купил, что и к лучшему – сейчас бы жил в оккупации, кормил бы оккупационных котов и ему опротивел бы весь этот серебряный век, включая Волошина с его «Прологом» и кафе «Пролог» в чужом теперь Коктебеле. В принципе ясно, о чём речь – прологом местные считали присоединение к России (и начало, как им казалось, новой жизни), а стихотворение Волошина, неверно истолкованное (на самом деле художнику и так хорошо, он отстраняется от войны и вообще отстраняется ото всего), служило им мантрой.

Да, так и было бы (кормить бы ему котов до конца жизни), ведь правды не спрячешь: Максимилиану Александровичу всё равно – в Украине он или в РФ, а Тони не знал бы, как убраться отсюда. Убрался бы, конечно (не сейчас, так позже), продав за бесценок дом, и куда – без разницы: в Киев, к примеру, Львов или даже в Черновцы – к Паулю Целану, поэту и мыслителю. И хоть в ранние годы Целан увлекался марксизмом, с возрастом (и в отличие от Волошина) уже точно знал цену советской власти (читай – путинской).

С веранды открывалось море и в нём – неровный строй патрульных лодок. Похоже, море и было здесь истинной цен-

ностью, а отнюдь не люди, которым, как выяснилось, были пофиг их честь, свобода и их же будущее.

И тут одна из лодок направилась к берегу. Её качало, она подпрыгивала на волнах, а лишь катер упёрся в гравий, оттуда выскочили милиционеры с автоматами и направились к Тони.

– Здравствуйте, кто вы?

– Здравствуйте, – ответил Гомес, – я Пауль Анчель из Черновиц (настоящее имя Целана), поэт и мыслитель.

Они пробили его по базе, но Анчель давно уже умер.

– Он давно уже умер, пройдёмте с нами.

Тони, однако, не хотел никуда идти. Жопа ещё болела, и швабра (или что там у них ещё) отнюдь не привлекала. Гомес надеялся улизнуть и тянул время. На лицах стражей читалось нетерпение. «Её всё чаще одолевала скука от обыденной жизни, – прочёл он недавно у Ингер Фриманссон. – Всё чаще ей казалось, что жизнь уже миновала свой пик, лучшее осталось позади, а всё, что происходит сейчас, слишком поздно» («Доброй ночи, любовь моя»).

Поздно? Ничего не поздно, вскипел вдруг Тони, резко вскочил (милиционеры явно не ожидали) и кинулся к двери.

«Стой, стрелять буду!» – раздались крики, но никто не стрелял, а Тони мчался уже во всю прыть и куда глаза глядят. Глаза глядели в подворотню: слева гараж, дальше – вывеска «Спа» и лестница в подвал. Он спустился, ощутил запах нечистот и побежал к свету – вдали маячил вроде бы выход.

Канализация или что там было, Гомес не знал, но побежал, предвкушая свободу, минуя бесконечные лабиринты труб, и спустя минут десять оказался у ручья с говном.

Ручей стекал в море, правда, была и трудность: выход к морю преграждала решётка – довольно массивная, из металлических прутьев и на вид страшно крепкая. Но нет – крепкая на вид решётка лишь отпугивала и на деле едва держалась, достаточно было пнуть. Тони осторожно отодвинул её, высунулся наружу и огляделся.

Перед ним простирался пляж. Безлюдный и несуразный остатками некогда тентов, раздевалок и душевых. Справа и на небольшом отдалении виднелись двух-, трёхэтажные коробки, явно недостроенные – серый бетон, мрачные окна без рам – и, судя по обилию мусора, давно и надолго брошенные. Слева пляж упирался в насыпь (дохлая мышь, надпись *forever*), и начиналась свалка.

«Свалка навсегда, – подумал Тони. – Туда-то мне и нужно». По его расчётам, милиционерам делать нечего, как шляться по свалкам. Куда проще перекрыть дороги и проверить транспорт – всё равно попадётся. В понимании милиционеров – они тоже люди и незачем им копаться в грязи. Истинной же грязи они не замечали, поскольку и были ею. Тут что с запахами – быстро привыкаешь, и уже всё равно, чем дышать (и дышать ли). Милиционеры, подсевшие на взятки, Максимилиан Волошин с его лояльностью к коммунистам и крымские колорады (пехотинцы Путина), по всему

видно, давно привыкли.

Зато Тони не привык.

Однако ж именно из-за вони он и решил укрыться на мусорке. Предгорье Узун-Сырт смердело от городской канализации, бытовых отходов и строительного хлама. Свалка простиралась от побережья в сторону виноградников, подчёркивая рельеф, и вплоть до шоссе Р-29 Алушта – Феодосия. Зловонные испарения поднимались в небо. На высоте примерно с километр они смешивались с вонью из ОРДЛО (отдельные районы Донецкой и Луганской областей, термин, официально принятый в Украине) и ко Дню благодарения успешно проливались вонючим дождём на головы всё тех же колорадов. Получится или нет – Гомес надеялся с помощью вони как раз и вернуться в свой Vila do Conde.

Раз уж он переместился сюда, надышавшись мусором, то почему бы и не вернуться назад так же? В одной из заметок Science он как-то прочёл об обратимости процессов. Речь шла, в частности, об элементарных частицах. В атомных системах, вышедших из некоторым образом упорядоченного состояния, можно наблюдать возврат к первоначальной структуре. В 1967 году американский физик Эрвин Хан (Erwin L. Hahn) открыл «эффект памяти» процессов атомного масштаба – так называемое *спиновое эхо*. Связанные с атомами протонов спины самопроизвольно восстанавливаются, казалось бы, утраченный навсегда порядок («Чебурек навсегда» – кафе на Трифоновской в Москве). Эффект

ты атомной памяти показывают, что некоторые виды упорядочения, даже вызванные случайными столкновениями элементарных частиц, можно обратить.

Он, конечно, не элементарная частица, но то, что происходит с ним, трудно объяснить лишь классической механикой, зато вполне объяснимо с позиций квантовой интерпретации. Вот и его перемещения, размышлял Тони, не оттого ли и обратимы (ведь он возвращался, как ни крути, правда, жопа болела), что подчинялись «эффекту памяти» Эрвина Хана? Других объяснений у него не было. В любом случае надо попробовать, а то сидеть тут Гомесу, пока не попадётся, и тогда уж точно не избежать швабры (или даже шампанского местного комбината «Новый свет»).

Тони огляделся. На Биюк-Янышар маячил крест, чуть ниже виднелась метеостанция, а прямо по курсу простиралось необъятных размеров мусорохранилище (источник энергии, но кому надо?). Примерно с час уже он ошивался здесь, а было такое чувство, что всё напрасно – и запах не волновал, и противно не становилось. Видно, привык.

Правда, и мусор был какой-то бледный. Если тут и таилась энергия, то уж точно не на поверхности; скорей внутри. Надо порыться, решил Антонио, надел перчатки, но, провозившись до сумерек, так ничего и не нашёл. Разве что анчоусы – совершенно просроченные и вздувшиеся от сальмонеллы консервы валялись, как после взрыва, раскиданные тут и сям

– на поверхности, под слоем грязи и у ручья с говном. Говно хоть и подсохло (курортный сезон выдался на редкость провальным), Тони всё равно испачкался, а открыв кое-как пару банок и надышавшись испорченной рыбой, испытал лишь разочарование. Его вырвало, не больше.

Между тем стало совсем темно. Ни единой лампы вокруг, ни рекламной вывески, всё погрузилось в полнейший мрак. Мрак и ни звука. Со стороны моря, правда, и то едва слышно, доносились переговоры с судна (возможно, танкер, мелькнула мысль) и там же светились несколько огней. Гомес пригляделся и вдруг нестерпимо захотел домой. По крайней мере оказаться в каюте (пусть бы и танкера, чёрт с ним, лишь бы плыл, а не стоял на месте, глядишь, и приплывёт куда надо).

Ясно, что Тони грезил. Лишившись более-менее прочной эмоциональной структуры, человеческая психика ищет кратчайший путь к удержанию своей целостности через создание образов. Собственно, их и создавать не надо – они и есть фрагменты разрушенной архитектуры подсознания, то есть типичные (и характерные для большинства индивидуумов) картины спасения, воссоздания прошлого и мечты о будущем. Не зря психически здоровые люди не склонны к творчеству, зато с удовольствием выполняют механическую работу.

Собрав остатки здравомыслия (не торчать же тут до рассвета), Тони резко свернул на восток, пересёк свалку и направился – буквально на ощупь – к метеостанции (в его пред-

ставлении где-то там она и располагалась). Неподаляку раздался лай и повеяло сигаретами Vogue Menthe. Каким-то образом запах ассоциировался с Эл. Каким – непонятно: Элла если и курила, то электронные, со вкусом вишни, ванили, ирландского крема, но уж точно не мяты. Хотя и тут не ясно – одни и те же молекулы одоранта могут восприниматься совершенно по-разному. Следует учесть также и квантовую интерпретацию эффекта: молекулы разной формы в состоянии производить весьма похожие (а в ряде случаев и идентичные) колебания.

Теперь он шёл исключительно на запах и через минуту, может, две очутился у магазина. Под крышей покосившегося строения проступала надпись «Магазин потерянной любви». У входа догорал окурок. Он ещё тлел, но уже чуть заметно, словно и впрямь любовь терялась тут, а вернёшь её или нет – ещё посмотрим.

Уже что-то. Гомес решительно постучал в дверь. Дверь отворилась, в проёме показалась свеча, а на пороге стояла Екатерина Шульман – колумнист газеты «Ведомости» и автор книги «Практическая политология: пособие по контакту с реальностью». Во всяком случае, сходство было поразительным.

– Шульман? – удивился Тони, но тут же осёкся. – Простите.

– Наташа Хоппер, – представилась «Шульман». – Вы заблудились?

– Похоже, да. Меня зовут Тони, Антонио Гомес из Португалии.

Он восхищался Шульман, но и картины Хоппера были ничуть не хуже. И Шульман, и Эдвард Хоппер работали в жанре «мусорного ведра», если можно так выразиться, с той лишь разницей, что художник писал о безысходности, а колумнист «Ведомостей» лучилась оптимизмом.

– Из Португалии? – Хоппер приподняла свечу. – Как же вы попали сюда?

– Толком не знаю. Можно войти?

Наташа медлила: незнакомый человек, явно не местный, да и португалец из него какой-то ненастоящий. В её представлении Португалия была страной из книг, а португальцы – их персонажами, и оттого утратившими черты реальности. С другой стороны, человек всё же. На вид приличный, она и не таких видала. Кто только не заглядывал сюда. Её магазин был как свалка, только за деньги, зато со скидками («Скидки и днём, и ночью!» – гласил баннер при входе).

– Что ж, проходите, – Хоппер зажгла ещё свечи, магазин постепенно оживал. В глаза бросились чучела. С десятков чучел, прикреплённых к потолочной балке, слегка покачивались и заметно скалились пучками соломы. – Простите, Тони, у нас электричества нет.

– И куда же оно подевалось?

– Блокада, вы разве не знаете?

Нет, он не знал. Да и что он вообще знал. Как попал сюда

– не знал. Не знал, где у них электричество, а главное – он не знал, к чему всё это. Жил себе преспокойно (придумывал звёзды), никого не трогал, и на ж тебе.

Как выяснилось, 20 ноября украинские активисты взорвали опоры ЛЭП в Херсонской области, лишив тем самым Крым электроэнергии. Акция прошла вслед за продуктовым эмбарго, была вполне предсказуемой и долгожданной, призналась хозяйка магазина, имея в виду несогласных с оккупацией полуострова русскими. По её наблюдениям, таких насчитывалось около четверти населения Коктебеля (хотя в целом по Крыму, возможно, и меньше). В основном татары, но были и украинцы, русские, греки, немцы. Кого только не было.

– В сущности, – заметила Хоппер, – протест, каким бы он ни был, не зависит (сами подумайте) от генов. Преобладающим здесь является уровень осведомлённости, а не слепая вера, покорность и так далее. Вам надо помыться, – добавила она, поморщив нос.

И нос, и её глаза, и чуть простоватые черты лица (в том были признаки явно не светской жизни и даже некоторая провинциальность), несомненно, напоминали Шульман. Да и остротой ума продавщица сувенирной лавки едва ли уступала доценту Российской академии народного хозяйства (РАНХиГС).

Часа два они ещё болтали. Тони поведал ей о «пикетах», высказал свои версии, но был неубедительным, и ближе к

утру Хоппер предложила поспать.

– А не поспать ли нам, Тони?

– Как скажете.

Уснул, правда, он не сразу. Всё думал о грязи, о Хоппер и её магазине. В сущности, это был художественный салон. Старая утварь, самодельные книжки, живопись. Вместе с тем тут словно печаль засела.

– Оно и понятно, – Наташа была предельно ясной. – Люди идут сюда скорей избавиться, чем купить. Любовь, как известно, не купишь. Хотя бывают и исключения.

Бывают, но редко, подумал Тони.

Набивные чучела по-прежнему покачивались и дивно пахли. Солома – надо же! С этой мыслью он и заснул. Буквально выключился, а чучела всё поглядывали на него, как бы раздумывая – испугать Тони или пусть спит и оставить в покое.

Понять их намерения было непросто. Да и что он вообще мог понять, а тем более – как выбраться отсюда.

IV. Выход

Ближе к утру Тони вскочил, как ему показалось, от шума за окном. И точно: начался ливень. Порывы ветра трепали ставни, судя по звуку, вывеску у входа, деревья вокруг. Вода обрушивалась на крышу, отчего и внутри магазина всё гудело.

Пахло сандалом, сырой глиной и акварелью. Пахло соломой от набивных чучел, а за компьютером сидела Наташа Хоппер и смотрела «Токийскую невесту» по роману Амели Нотомб. Невеста уже рассталась с иллюзиями и покидала Токио. Вряд ли она вернётся. Хотя как знать – романы Нотомб короткие, но с продолжением. Вот и Тони пора было убраться (Токуо *Fiancée*, режиссер Стефан Либерски, в ролях Полин Этьен, Тайчи Иноэ; Франция, Канада, Бельгия, 2014).

– Вы проснулись? – Наташа привсталала. Она была без трусов и в футболке *Circa Survive – Descensus*.

Спустя год с момента выхода альбом *Descensus* («Спуск») группы *Circa Survive* оставался почти незамеченным, а зря. Тони часами мог слушать тихие и вдруг взрывающиеся чуть ли не галактической тоской мотивы. Чего стоят хотя бы *Schema*, задающая тон альбому, *Child of the Desert*, *Phantom* и собственно заключительная композиция *Descensus*. Условность покоя и ощущение неизбежности, не важно – десерт ли это, надоевшая давно схема (естественный отбор и так

далее) или фантом (опять же сплошь образы), помноженные на гений вокалиста группы Энтони Грина.

Вот и думай! Тони меньше всего ожидал секса, а ведь всё к тому шло. Короткая футболка, едва доходившая до пояса, ровно подстриженный лобок в форме прямоугольника, а главное – взгляд и выражение лица Хоппер, несомненно, сулили акт удовольствия. Три в одном – Тони замер, ощутив вдруг отчётливый порыв к порнографии: Шульман, продавщица сувениров и Амели Нотомб.

– Красивое кино. Вы читали Нотомб? – Наташа поставила фильм на паузу, подошла к окну и приоткрыла жалюзи. В помещение проник тусклый свет. – Однообразно серое небо, – тихо промолвила она и взглянула на Гомеса.

В воздухе искрилась пыль. Над Тони нависали балка и круг паутины в углу. По периметру белых стен расположились лотки и деревянные стеллажи с товаром, включая лепнину, виниловые пластинки, кассеты, а также связки тетрадей всевозможных форматов и толщины.

– Дневники, – пояснила продавщица, – мрак...

Её движения были порывисты. Она взяла Тони за руки, притянула к себе и, присев, раздвинула ноги, приглашая тем самым к разврату. Он встал на колени и медленно, не вполне ещё понимая, в чём суть (да и можно ли вообще понять цену радости, отсутствие боли, покоя), стал лизать Хоппер: сперва лобок, затем чуть ниже и ещё – пока не слился языком с её клитором.

– Хороший у вас магазин, – признался Тони, улучшив момент, а Наташа сменила позу и теперь повернулась лицом к компьютеру.

Она подалась вперёд, наклонив спину и, разведя руками ягодицы, принялась массировать большим пальцем анус. Анальное отверстие у неё было упругим, правильной формы и пахло косметикой «Джонсонс беби». Хоппер добавила ещё масла и ввела палец внутрь. Тони застыл – как же красиво и какой напряжённо приятной выглядела открывшаяся ему картина! Он вновь принялся лизать, на этот раз как бы снизу, одной рукой при этом мастурбируя себя, а другой – помогая Наташе сзади.

Хоппер уже постанывала, время от времени переходя на крик, когда он вдруг понял, что её ноутбук повернут к ним и снимает. Окно записывающей программы было развёрнуто примерно на четверть экрана. Деталей он, конечно, не различал, но в целом пара смотрелась. Теперь же, когда Гомес видел их со стороны, к Тони пришла пусть не развязка, но всё же мысль, не лишённая смысла: *он был у себя в голове.*

Нестерпимо захотелось оргазма. Дождь явно усилился. Хоппер всё глубже вводила его тонкие пальцы в себя. К звуку компьютера добавился сигнал о разряде батареи. Ветер неистово бился в окно, раздался гром, и в тот миг, когда новая вспышка молнии прорезала жалюзи, Антонио наконец кончил.

Последнее, что он запомнил, – измождённое, но счастли-

вое лицо продавщицы комиссионного магазина. Ещё с минуту Хоппер улыбалась ему с экрана Асер. Тот постепенно угасал. Сигнал разряда заметно ослаб. Затем изображение исчезло, и Тони очнулся.

Совершенно потерянный, он сидел у мусорного бака в Конди, не в силах подняться. Не в силах, но как-то поднялся, взглянул на часы и продолжил работу. Часы показывали 7:46, 24.11.2015. Потеря сознания длилась не больше минуты, а на деле он пережил настоящее приключение. Историю, полную чувств, не лишённую драмы, но со счастливым концом.

Как обычно, он загрузил с десятков контейнеров в мусоровоз, пройдя от Sacadura Cabral до набережной Ави, и к полудню уже был дома. Жизнь станет монотонно тревожной, подумал Тони, от безмятежности не останется и следа. Хоть он и вернулся, вопросов, однако, не убавилось. Напротив, их стало больше. И как вообще такое могло случиться? Ведь его не пытали, не насиловали, а выход оказался таким простым – всего лишь секс (но в нём ли дело?).

До сих пор он строил свои теории исходя из влияния на мозг запахов и весьма продвинулся. Во всяком случае, так казалось: причиной «пикетов» являлась вонь, из-за вонючки он впадал в транс, а благодаря обратимости субатомных процессов возвращался в прежнее состояние (и опять же благодаря вонючке).

Он сварил кофе, включил компьютер, на «Эхе Москвы»

давали новости: в Крыму действительно кончился свет, турки сбили российский бомбардировщик, инфляция в РФ достигла рекордного уровня. Новые неприятности, как обычно, будут списаны на Обаму, и лишь редкие интеллектуалы, начитавшиеся Бердяева с Хаксли, задумаются об истинных причинах их бед. Как ни крути, короче, всё складывалось в пользу Путина: и блокада Крыма, и сбитый бомбардировщик, и инфляция.

Между тем запах кофе заполнил пространство и проник в голову. Тони полез за сигаретами и прислушался к звукам. Из окна доносился шум моря, редкие пешеходы вполголоса беседовали по-португальски – в основном пустое, скучная ерунда, зато операторы связи были явно при деле. И тут он внезапно подумал о книгах, немногочисленных, но весьма близких ему (с книгами приятней жить), что удалось привезти с собой из РФ, – то немногое, что фактически спасало Тони в последние годы от сумасшествия. С сотню книжек беспорядочно ютились в белоснежном шкафу из ИКЕА, словно вопрошая: «И что?»

Да так... Начиная с марта 2014-го они стали его убежищем (пусть виртуальным, но делать нечего – на психолога ни денег не было, ни желания). Он зачастил в «Библио-Глобус», и хоть магазин этот вызывал у Тони отвращение (откровенно провластный, с портретом Путина и толпами коло-радов), немногочисленные полки с переводной литературой создавали иллюзию жизни. Будни казались не такими уж и

бессмысленными, бесконечные «враги» отходили на задний план (врагов в России придумывали что ни день – от укрофашистов до лесбиянок), да и в целом он ощущал себя как бы в НАТО или, во всяком случае, не в РФ и ближе к нормальным людям.

Большую часть его «убежища» составляли издания «Иностранки» начала 2000-х (ныне уценённые, что, в общем, на руку) включая революционный по тем временам проект Ильи Кормильцева «За иллюминатором». Сюда же входили книжки AD MARGINEM, издательства Corpus, кое-что из «Азбуки» и – куда деваться – немного из «Эксмо» и «АСТ», специализирующихся на лёгком жанре (лёгком и вместе с тем издевательском, учитывая беспросветную глупость подавляющей части населения РФ).

Мураками, Кундера, Хорнби, Уэльбек, Барнс, Сутер, Бегбедер, Нотомб были для Гомеса не только интереснейшими рассказчиками, но и образовывали, в сущности, его единственный круг общения. Язык перевода, правда, подчас расстраивал (простоватый, местами вульгарный и явно взятый из советской действительности), однако Тони мирился. Мирился, на ходу менял слог, форму мысли и всё равно был доволен: за условные рубль двадцать он получал психолога, машину времени, а то и оргазм, как в случае с Катрин Милле, скажем (Катрин Милле, «Сексуальная жизнь Катрин М.»).

Книжные полки располагали к мысли.

Тони наугад вынул «Горький шоколад» Доминика Ноге-

за и вдруг ощутил и вкус этого шоколада, и запах, и то, каким он бывает горьким, включая парадигму боли, безвозвратной потери и тому подобного. «Я никогда особо не верил в сверхъестественное, – прочёл он на тринадцатой странице мысли рассказчика о своей подруге, – она даже издали не выглядела ни феей, ни привидением: она казалась, и именно это привлекало меня к её ускользающему облику, слишком *живой*».

За окном промелькнула ворона. Тогда-то он всё и понял. Не всё, конечно, но любое открытие, как известно, вначале кажется безусловным (тут вам и радость, и непреложность истины). Короче, Тони предположил следующее: что если дело в пограничных состояниях? Есть вонь (состояние раздрая, полный упадок), а есть и вполне ничего себе запахи (удовольствие, радость, минутное счастье). Вонь отправляла его на «пикет», а, образно, «Джонсонс беби» возвращал назад. Что до первых его «пикетов», когда, возвращаясь, он, кроме боли, ничего не чувствовал, эффект удовольствия мог быть обусловлен всего лишь окончанием пытки (или перерывом, как знать – милиционеры любят пытать подолгу). Помимо прочего гипотеза подтверждалась и ролью так называемых *ароматов* из физики элементарных частиц в управлении энергетической целостностью состояний.

Если Тони не ошибался, учёные различали шесть ароматов, по числу типов кварков: нижний аромат (down, d), верхний (up, u), странный (strange, s), очаровательный (charm, c),

прекрасный (beauty, b) и истинный (truth, t). Кварк представляет собой фундаментальную частицу в Стандартной модели, обладающую электрическим зарядом, кратным $e/3$, не наблюдающуюся в свободном состоянии, но входящую в состав адронов (сильно взаимодействующих частиц, таких как протоны и нейтроны). «Кварки являются бесструктурными, точечными частицами, – узнал Тони из сайта Британской энциклопедии. – Это проверено вплоть до масштаба примерно $5 \cdot 10^{-18}$ м, что примерно в 20 тысяч раз меньше размера протона». Важно, однако, следующее: *аромат кварков сохраняется в сильных и электромагнитных взаимодействиях, но не сохраняется в слабых.*

Не исключено, рассуждал учёный, он столкнулся с особой характеристикой переходных состояний воображения, когда модель верхнего уровня предполагает конечный набор ароматов для возврата к нижней модели. Требовалось создать лишь некий набор приемлемых запахов, удовлетворяющий условиям выхода.

В тот же день с помощью портала японской компании ChatPerf – лидера на рынке электронных генераторов запахов – Гомес синтезировал, так сказать, beauty-аромат (прекрасный и, возможно, истинный – он не знал), а пока работал, мысленно пережил недавний секс в магазине любовных принадлежностей, оргазм, запах соломы, исходивший от чулчел, и тончайший аромат близости – Хоппер будто намеренно явилась к нему, следуя неизбежности совпадений. В ход

пошли incense sticks (сандал, конопля, жасмин), молотый кофе «Марагоджип ирландский крем» из магазина напротив, ваниль и так далее.

Полученный аромат он назвал «Синтезированным компонентом выхода» (Synthesis Component of Leaving, SCL) – фактически первое изобретение Гомеса после завершения научной деятельности в РФ.

И вот на следующее утро, чтобы проверить свою догадку (о прекрасном и отвратительном), Тони надышался мусоркой и попал в российский Калининград. Он стоял на перекрёстке улицы Багратиона и Ленинского проспекта. Из окна World Coffee за ним наблюдала официантка Лена из Светлогорска (в прошлом немецкий Раушен) и плакала: Тони выглядел совершенно разбитым, со впалыми щеками, заметно исхудавший и с плакатиком из картонки «Назад в Германию!».

Хорошо бы, тайно мечтали редкие пешеходы, обратив внимание на надпись, но тут же отводили взгляд (и правильно делали – зачем?). Зачем терзать себя и попусту волноваться? Неоправданные надежды – верная дорога к психиатру, а то и в Следственный комитет (кто ж захочет?). Вот и Тони не хотел, но делать нечего. Он и раньше придерживался эмпирических методов, полагая (и весьма справедливо), что любая теория нуждается в экспериментальном подтверждении.

Минут через двадцать (светофор переключался туда-сю-

да), завидев направлявшийся к нему патруль, Тони запомнил время – часы показывали 12:06. Он огляделся и, подключив к смартфону специальную насадку – генератор запахов, приблизил аппарат к губам: вдохнул, затем ещё раз. Лена из World Coffee изменилась в лице – невероятно, в следующую секунду дворник из Конди свалился замертво, как и не жил, бедолага (вместе с плакатиком и неудавшимся аншлюсом). Блюдце и кофейная чашка Lavazza с синим прямоугольником выпали у неё из рук. Раздался звон бьющейся посуды. Мимо проехал автобус на Гданьск. Проехал, а машины за ним тут же замерли, повинувась указанию светофора.

В 10:05:12 по Гринвичу Подравка Смешту, наблюдавшая в качестве ассистента за Гомесом, с опаской похлопала его по щекам. Тони ютился у мусорного бака, был без сознания, а на его губах застыла ироничная улыбка. В 10:05:31 улыбка сошла (в реальности Калининграда к нему приближался патруль), Гомес посерьёзnel и как-то странно съёжился, будто бежал и вдруг резко затормозил. В 10:05:49 у него шевельнулись уши, а по лицу совершенно явственно прокатилась волна блаженства (Тони вдохнул Synthesis Component of Leaving) и в следующее мгновение открыл глаза.

Как Тони и велел, Сучка остановила секундомер.

– Сколько? – спросил он.

– 10:05:52, – ответила Подравка, искренне не понимая, при чём тут время.

А вот при чём. Как Гомес и догадывался, время в другой реальности шло быстрее. По сути, он побывал в будущем.

– Простой пример, – обратился он к Смешту, очухавшись и вдохновлённый их опытом.

Однажды, будучи ещё в Москве, Тони возвращался из своего института (конец декабря, на редкость тепло, +6). В какой-то момент он свернул с шумной улицы в переулок и вдруг понял, как же ему хорошо (в заброшенной подворотне): ни звука, безлюдно, закапал дождь, и в мокром асфальте, казалось, отразился другой и чарующий мир.

– Всё неожиданно переменялось. На минуту я стал другим и потерял ход времени. Кто-то другой шёл параллельно мне – с виду как я, но удручённый, потерянный и лишь возвращающийся домой, как делал это вчера, неделю назад и год (повторение убивает). Мне же было прекрасно. Я находился далеко и вместо минуты усталости (горечи, убийственного безразличия) пережил настоящее приключение. Приключение, как мнилось, в несколько дней, месяцев или даже лет. Время пластично, – заключил Тони, и, ухватившись за мусорку, кое-как встал. – Пойдём?

– Пойдём, – Смешту представила подворотню, дождь и мокрый асфальт напоследок рождественской ночью.

В тот же вечер, добавим, блуждая у Москвы-реки, Тони вообразил себя писателем и сочинил для Эллы небольшой рассказ, полный намёков и отрешённости.

По сюжету некто Луиза Стива прилетает на спутник Плу-

тона Стикс и влюбляется в инженера Astrium Марка Эшворта по прозвищу «Дарвин». Год или два уже Марк изучает здесь бактерии-экстремофилы. Он тоже влюбляется, но опыт биолога подсказывает, что влечение это ненадолго (кратковременное отклонение в физиологии), и связь с Луизой кажется ему невыносимой: *они слишком разные*. Противоположности притягиваются, размышляет Марк, но потом скука до конца дней. Он признаётся в своих сомнениях и, поскольку знает всё наперёд (правда – как вывоз мусора: делает жизнь осмысленной), заявляет, что нет, извини, он болен лучевой болезнью. Враньё, конечно. Лу понимает это, она разочарована и вскоре возвращается на Землю.

Гомес хорошо помнил, как, прочитав рассказ, Эл погрузилась и тут же приняла вид неприступной красавицы. Тони любил её, она нет, и что бы он ни сочинил, во всём читалась его боль.

– И что, Дарвин так и остался изучать бактерии? – спросила она саркастически.

– Остался, но уже без смысла, с сожалением, что соврал, и жил теперь одной мыслью о встрече с Лу. Её образ навсегда засел в голове безумца, – добавил Тони и глупо уставился в окно.

За окном падал снег. Обоим отчётливо было ясно, что выхода нет, противоположности не терпят откровений, их связи пришёл конец. Во всяком случае, время для них теперь шло по-разному: у Эл – соразмерно естественному ходу со-

бытий, а у Тони медленно, как сломанные часы – то остановятся, то снова пойдут. Чинить такой механизм бесполезно, себе дороже. Напротив – пусть всё останется, как есть.

Любовь – не мусор, рассуждал Тони. Как не мусор и нежный трепет при воспоминании о ней, не говоря уже о безвозвратной потере. В минувший понедельник, к примеру, 11 января, умер единственный, пожалуй, его друг в изгнании – волнистый попугай («птичка» – любил называть его Тони). Ещё в воскресенье тот радостно носился над ним, урчал на ухо, покусывая края футболки (следы надолго теперь останутся там), и с видом уверенного в себе любовника бился клювом о зеркало в ванной. Ближе к полуночи птичка залез к себе в клетку, взглянул на Гомеса (как выяснилось, в последний раз), и на этом всё.

Привязываясь к чему-либо, человек невольно придаёт объекту привязанности черты одухотворённости, а применительно к неодушевлённым предметам фактически оживляет их. Так было у Тони с айфоном, с его джинсами Exis Jeans и сумкой Zolo. Привыкать к новому не хотелось. Привыкалось с трудом и ценой психического стресса в течение долгого времени.

Предвидя то же и с птичкой, он по-быстрому сложил его мёртвое тельце в банку из-под кофе, подписал «R.I.P.» и, опустив «лодку» в море (птичка-путешественник поплыл себе), отправился в магазин за новым. «А что ещё, собственно,

ему было делать?» – прочёл как-то Тони у Майкла Каннингема, и то верно (Майкл Каннингем, «Снежная королева»).

Внешне волнистые попугаи одинаковы, так же как воробьи, скажем, голуби или воробны. Лишь опытный орнитолог (и то не каждый) способен отличить, кто где. К тому же их род представлен единственным видом, а особи в равной степени отличаются шумом и болтливостью. У них синие глаза, при посадке их крылья сгибаются вниз, они небольшого роста и лишь благодаря хвосту выглядят гораздо крупнее, чем являются в действительности.

В зоомагазине Тони сразу же ощутил на себе пристальный взгляд одного из пернатых. Словно помесь волнистого попугая с радугой, птичка сидел вместе с десятком других в загаженной клетке и, наклонив голову, с игриво-мужественным видом заглядывал Гомесу прямо в душу.

В естественных условиях обитания волнистые попугаи живут недолго, от силы год-два. За ними охотятся люди, их подстерегают природные катаклизмы, инфекционные заболевания, хищные звери и другие, более приспособленные к реальности птицы.

Этот же был настоящий заморыш. Жить ему осталось на вид с неделю, и то если повезёт. Тони, не мешкая, купил его, а вблизи новый птичка был как радужная метёлка для пыли.

V. Пыль

На любой неприятный сюрприз можно закрыть глаза, если только знать, что на следующей странице тебя ждёт сюрприз приятный.

Ник Хорнби, «Смешная девчонка»

Пыль тоже грязь, но не совсем. Грязью она становится под воздействием влаги, а до того летает себе и кружится. Пыль оседает на поверхности, взрывается от ветра и образует космические тела в случае с межзвёздной или кометной пылью, имеющей минеральное и, не исключено, органическое происхождение.

Пыль в представлении Тони была чуть ли не первопричиной возникновения жизни, а на Земле – источником аллергии. Иначе говоря, пыль хуже грязи.

Незадолго до эмиграции Гомес заметил, как изменилось его поведение на улице. Он задумался. На самом деле его поведение изменилось уже давно, по меньшей мере с захватом Крыма. Тони надеялся, что пройдёт, но нет, ничего не прошло. Где бы Тони ни находился, он всё время старался (поначалу осмысленно, а позже и рефлекторно) изолировать себя от окружающих.

Тогда-то он и заключил: окружающие его люди – как пыль: пыль сбивается в комки, образуя стаи ненавистных ему сторонников диктатуры. Он избегал людных мест, отво-

дил взгляд, чтобы не видеть людей, и затыкал уши, чтобы не слышать их. Тони и выглядел как пришибленный – смотрел в пространство, то задира, то опускал голову и улыбался, словно даун. Дурачок, в сущности (а не пошли бы вы куда подальше).

Не пошли. Он уехал сам и в принципе прекрасно понимал своих оппонентов: единственный способ спастись – лицемерить; иными словами – притворяться, что все вокруг замечательные. На самом деле, это была догадка Фрейда и первое предсказание толерантности, по мнению Александра Гениса с радио «Свобода». Толерантность по-русски, впрочем, в отличие от европейской толерантности означала терпимость не друг к другу, а к власти. Именно к власти – бессовестной, бесконтрольной, и вряд ли кто-то тут мог помочь: ни Фрейд, ни Тони, ни Генис – автор «Русской кухни в изгнании».

Его страна давно уже управлялась шайкой бандитов. Пиздец какой-то, подумал Тони, и вдруг припомнил граффити из сериала «Сосны»: «Во времена всеобщей лжи оглашение правды является революционным действием» (Wayward Pines, режиссёр Чад Ходж, по мотивам трилогии Блейка Крауча, в ролях Тоби Джонс, Мэтт Диллон, Карла Гуджино и другие – в зависимости от сезона, всего три; США, 2015–2018).

Невзирая на *правду* своих пикетов, однако, он не чувствовал себя революционером. Не чувствовал, но и перемен к лучшему в новом году не предвидел. Если верить статисти-

ке, 18 % населения РФ намеревалось покинуть родину (покинут, правда, лишь некоторые – удовольствие не из дешёвых), остальных всё устраивало. Не зря говорят: хорошего человека найти непросто.

В феврале он повторил опыт с возвращением.

Роль ароматов вполне подтвердилась – Тони по желанию мог вернуться с «пикета» в любой момент. Как, кстати, подтвердилось и его предположение о пластичности времени. Более того, Гомес открыл связь: чем интенсивней он вдыхал помойку, тем быстрее шло время в параллельной реальности.

Увлёкшись пылью, Тони изобрёл также специальный гаджет. Ускоритель перемещения, в сущности. Выполненное в виде компактного распылителя запахов устройство обеспечивало максимально быстрый, простой и безболезненный способ посещения (вход и выход) иных мест. Проблема теперь заключалась в их выборе – случайный характер процесса выводил из себя и в общем надоел.

Тут так: или покончить с этим (перестать метаться, забыть наконец о грязи), или научиться всё же управлять процессом, но тогда стоп – Тони получит уникальный инструмент перемещения в пространстве (и никаких тебе ни билетов на поезд, ни паспортного контроля).

Впрочем, проблема эта – Гомес прекрасно понимал, что к чему, и не строил иллюзий – была проблемой совершенно

иною порядка, невероятно сложной, если вообще разрешимой. В одиночку ему не справиться. Работа потребовала бы уйму времени и знаний, причём специфических – от математики до физиологии мозга. Задача явно не профильная.

Но вот однажды, отправившись на очередной «пикет», Тони угодил в ОРДЛО с протестом в Луганске, где его подстрелили, и он чудом успел вернуться – контуженный и с пулевым ранением в ногу.

Пикет был принципиальным («Хватит стрелять, задумайтесь!»), за что Гомес и поплатился. Задумайтесь? Вряд ли население Луганска способно думать, иначе не стало бы идти на поводу у бандитов. Но сказать правду важно – слишком долго Тони молчал. Если уж и захотели суверенитета, рассуждал он, хотя бы посмотрите, как идут к независимости сепаратисты в нормальных странах. В Испании, к примеру (Каталония), в Британии (Шотландия) или в недавнем прошлом Чехия со Словакией. Идут медленно (кто ж спорит?), путём тяжелейших переговоров, зато без войн, по закону и с согласия обеих сторон. В ОРДЛО же за четверть века после распада Союза никто не сделал ни одной заявки – всех всё устраивало (и «бандеровцы» никому не мешали, и никаких «укрофашистов» не было). Ждали момента, как выяснилось.

Ждали себе и дождались – обнаружив, с какой лёгкостью Украина рассталась с Крымом (будучи ослабленной сменой власти и никак не ожидая от РФ нарушения границ), колоряды потребовали того же. Им, естественно, отказали, и тогда

они начали войну. Войну за независимость, так сказать. Их активно поддержали русские, Рамзан Кадыров и прочая погань из непризнанных республик типа Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии. Тони взялся было представить себе боевые действия в Каталонии, однако ни в Каталонии, ни в Шотландии представить такое он не смог. К январю 2016-го в вооружённом конфликте на юго-востоке Украины погибло по разным данным от 10 до 30 тысяч человек.

Но вернёмся к сюжету. Пуля прошла навывлет, повредив кость ниже колена и оставив кровавый след на луганском асфальте.

– Отличный выстрел, – пошутила Подравка, осмотрев рану, кое-как обработав её и неумело перевязав шарфиком с надписью «Океан Ельзи – Dolce Vita, 2010». – Тебе надо в больницу.

Надо так надо. Тони давно уже хотел в больницу, ведь ясно же – с ним что-то не так. Голова раскалывалась, но уже в «скорой» ему сделали укол кодеина, и боль утихла.

Утихла, да не совсем. Словно собака покусала, подумал Тони, припомнив, как его покусала собака в Алуште с бантиком из колорадской ленты, и лишь в операционной он то ли уснул, то ли отключился; вероятно, последнее.

На следующий день Гомес проснулся в палате, необыкновенно светлой и чистой. Он был один, подключённый к компьютеру, безо всякой боли, но чуть усталый, а напротив ви-

села картина Эдварда Хоппера *Rooms by the Sea* («Комнаты у моря»). Вот и прекрасно, круг замкнулся – призрак Наташи Хоппер из Коктебеля догнал его.

И тут в палату вошла сестра – на вид обычная, как столовый прибор, и с бейджиком от руки *Tanya Lekstor nurse* (Таня Лекстор, медсестра). Вместе с тем что-то было в ней из другой жизни, как запах кофе, скажем (Тони мысленно перенёсся в Москву), сигарет и корицы в клубе *Bilingua* лет пять (а кажется – двадцать) тому назад при показе *Mr. Nobody* (в русском прокате «Господин Никто», режиссёр Жако Ван Дормаль, в главных ролях Джаред Лето, Диана Крюгер; Канада, Бельгия, Франция, Германия, 2009).

– Мы не знакомы? – спросил Тони.

– Вряд ли, – ответила медсестра холодно (как подобает, вероятно, при первом знакомстве с пациентом), но тут же и засмеялась: – Вам лучше?

– Не знаю.

Он и правда не знал. Нога не болела, но это-то и странно. Тони не чувствовал ни боли, как прежде, ни тревоги, зато возникло ощущение, что он влюбляется. На Лекстор были чулки со швом, она говорила с акцентом. Не исключено, как и Гомес, Таня сбежала в *Vila Do Conde* от тех же, что и он, страхов. Или примерно от тех же. Как бы то ни было, некая «советскость» угадывалась во всём её облике, будь то РФ, Литва или Польша.

– Не волнуйтесь, – прочла его мысли новая любовь. – Нога

на месте, но боль вернётся. Вы так смотрите на меня, словно влюбились.

– Простите, – замялся Тони, – с головой что-то.

– Ясно.

Лекстор перевязала его, заглянула в компьютер и, записав что-то в карту, засобиравалась.

– Удачи, Тони. Если что-то понадобится – вот кнопка, – она указала на кнопку у изголовья больного и ушла, тихо, почти бесшумно прикрыв за собою дверь.

Вечером явился дядя из полиции и всё расспрашивал, как же так и кто стрелял в него?

– Не знаю, какой-то хуй из Луганска.

– Ну?

– Украинские сепаратисты, – пояснил Тони. – Вы разве не слышали?

Нет, он не слышал, а если и слышал, то краем уха: «Что есть Луганск?», «Знали ли вы стрелявшего?» и так далее.

Пару раз его навестила Подравка. Как и всегда, с нею было легко, но скучно, а из головы не выходила Лекстор. При мысли о ней всё кружилось, внутри включался вентилятор и ускорялось время. Хотелось видеть её, смеяться и кататься на лифте, но лифт не работал, и Тони не знал, заработает ли (он не влюблялся уже месяцев сто – не слишком ли долго, и не пройдёт ли это к утру?). Не прошло.

У Лекстор умные глаза, тонкие пальцы (коричневый лак)

и внешность Бейнсли (Мелани Тьерри) из фильма «Теорема Зеро» (The Zero Theorem, режиссёр Терри Гиллиам, сценарий Пэта Рашина, в главных ролях Кристоф Вальц, Мелани Тьерри; Великобритания, Румыния, 2013).

Оказалось, она из Польши (настоящее имя Мотя Левицкая), поклонница Кафки, Гриши Брускина и Марка Дауна, панк-музыканта из Австралии. Она много читает, красива, но не ослепительно, и, так же как Гомес, слушает радио «Свобода» по-русски. Законченная антикоммунистка, по её же словам, Мотя придерживалась правых взглядов и мечтала переехать в Америку. Португалию (как и в целом ЕС) она считала, и вполне справедливо, «новым социализмом»: нет смысла работать. Её оклад, к примеру, не многим отличался от пособия Тони, левака из «Сиризы», «Подемоса» или мигранта-мусульманина (часто бандита и воинствующего исламиста, как показали недавние теракты в Париже и нападения на женщин в Кёльне).

Математический эквивалент волшебства, по мнению известного математика Маркуса Дю Сотоя (Marcus du Sautoy), может быть представлен в том числе произведением мнимых чисел: $i \times i = -i$, где i – мнимое число (фактически его нет, а «минус i » ошеломляет). То же и с влюблённостью, размышлял Тони, она – как функция от мнимых (воображаемых и условных) образов.

– Вы что, ботаник? – спросила Лекстор накануне выписки. Тони смутился, а днём позже пригласил её в кафе Rio у ак-

ведука. Акведук в Конди построен в 1714 году. Протяжённостью в пять километров, он простирался от монастыря Санта-Клары на северо-восток и изначально имел 999 арок. Уникальное сооружение, но сегодня от акведука мало что осталось – лишь чудом уцелевшая совокупность фрагментов.

Лекстор выглядела ещё красивей. Во всяком случае, так казалось. До последнего Гомес не знал, придёт ли она («Как получится, Тони»), и вот пришла – они вместе, над их столиком абажур цвета песчаной отмели в час заката, ароматнейший кофе и площадь Республики за окном.

– И как вам тут? – Тони неопределённо обвёл взглядом площадь. После дождя включились фонари, небо уже остыло и опускался туман.

– Не знаю, Тони, работа – дом. Но море, песчаная отмель, как вы заметили, – всё это неплохой обмен.

Лекстор и в самом деле радости не излучала. Её улыбка была наигранной, и, хотя шла к лицу, образу явно недоставало легкомыслия, особой оторванности, что ли, по которой Гомес давно скучал – ещё со времени клубных походов в конце 2000-х. Люди с тех пор насупились и если не притихли, то подурнели.

– А вам? – спросила медсестра по-русски. – Вы астроном, но метёте улицу. Не надоело?

– Пока нет, – Тони замялся, подбирая слова. Слова не подбирались. – Здесь другое.

Им принесли ещё виски, ведёрко льда и суши: «Филадель-

фию с угрём» (угорь, сливочный сыр, огурец), «Тунец спайси» (тунец, соус спайси, зелёный лук) и «Чукку» (водоросли чукка, соус «Гамадари»).

– Другое?

«Другим» была, естественно, история Гомеса о его перемещениях (с «пикета» на «пикет»). Тони не терпелось. Поверит Лекстор или нет – не важно (хотелось бы, конечно, но он ведь и сам едва верил). На самом деле, Тони рассчитывал через рассказ хотя бы снять боль (искренность придаёт сил), а в идеале – найти друга.

– Друга – не знаю, но подругу вы точно нашли, – Лекстор выслушала рассказ, поправила чёлку и потянулась за сигаретами.

На десерт у них были миндальные пирожные со сметаной, желе из красных ягод и секс в отеле напротив. Над Конди навис туман, но к утру он рассеялся.

Виски «Блэк Боттл» оказался на удивление качественным; голова не болела, да и вообще свидание обоим пошло на пользу: Гомес убедился, что он не псих, а Лекстор хоть и сомневалась, но что-то случилось – она смеялась, подолгу играла с его руками, и в глазах у неё заискрились тончайшие светодиоды.

Вот вам и Мотя. Она живо заинтересовалась проблемой управляемого перемещения и уже в среду познакомила Тони с профессором Майком Доджем из США. В Лиссабонском

университете он читал Machines («Машины») – весьма популярный у студентов курс о будущем робототехники. Относительно молодой человек (на вид не старше тридцати), он буквально притягивал своей начитанностью, широчайшим кругозором и мягкой манерой общения. Иначе говоря, профессор Додж являлся не только высококлассным специалистом, но был воспитан и скромен – редкое сочетание в научной среде выскочек и задавал.

Выслушав Тони, он с минуту молчал, загадочно и не без иронии поглядывая то на Лекстор, то на дворника с повреждённой психикой (а ведь Таня считалась неглупой студенткой, жаль).

– Ваш распылитель с вами?

Гомес вынул из сумки устройство и протянул Майку. Тот взял. Непривычного вида гаджет напоминал бомбу: небольшой баллончик с прикреплёнными к нему айфоном, ароматической насадкой Scentee и миниатюрным таймером реального времени. Додж поднялся, подошёл к окну и включил аппарат.

– Осторожней с ним, – мало ли что на уме у профессора, подумал Тони. – Лучше присядьте и вдыхайте медленно, запах не сильный, но весьма специфичный.

– Может, не надо? – вставила Лекстор.

Но было поздно: её кумир (она в третий раз уже записывалась на «Машины» и исправно посещала курс – так нравился ей учёный) внезапно пошатнулся и с шумом упал, по-

теряв сознание – бледный, но безупречно прекрасный в своей уникальной скромности.

На миг Мотя застыла, глаза у неё округлились, и всё же Лекстор держала себя в руках. Она склонилась над Майком, готовая оказать первую помощь, а тот словно и не нуждался в ней. Он лишь прилёг и теперь активно участвовал в своём сне – по ходу действия лицо профессора менялось. Судя по мимике, ничего ужасного. Каков сюжет там был – не ясно, но что-то определённо происходило. Майк по-прежнему крепко удерживал гаджет. Часы смартфона показывали 15:26:12, 27 января. Что же до таймера – время в нём перевалило за полночь и шло явно в ускоренном темпе.

– Надеюсь, он в порядке, – Лекстор беспокоилась, но напрасно: Майк не только был умным, а ещё и сильным.

В любом случае пульс у него был нормальный. Через минуту он улыбнулся и открыл глаза.

– Надо же, – промолвил он, – я видел Лизу.

Лизу? Лиза Фриманссон была первой любовью Додж, но безответной – они расстались, а спустя год Лиз утонула в Атлантическом океане неподалёку от Рокленда, штат Мэн. В этом Рокленде Майки и побывал сегодня («отложенное свидание», как он выразился).

То, чего он боялся всё это время (вернуться в Рокленд, постоять у моря и пусть мысленно, но представить Лизу живой), оказалось захватывающим и вполне себе научным опытом. И Лиза была чудесной (до поздней ночи они просидели

в кафе «Миранда», где тихо расстались, простив друг другу дурацкие обиды), и, как ни смешно, опыт подтвердил смелые (если не вызывающие) предположения русского астронома Антонио Гомеса о смещении индивидуального пространства под воздействием ароматов.

Пережив необычный опыт, профессор Додж немало вдохновился и спустя время взглянул на проблему с точки зрения биофизики. К тому же, имея профессиональный интерес когнитолога, он расширил область исследований в близком для себя контексте психологии, морали и искусственных нейронных сетей. Минимальной его целью было написать стоящую наконец работу. Конкретную, с новыми идеями и имеющую прикладной смысл, а не общие слова, от которых Майки давно устал. Тонины опыты он рассматривал как составную часть общего замысла.

Дворник не возражал:

– Признаться, мне всё равно.

Единственное, о чём мечтал Гомес, – научиться использовать непонятный пока механизм для свободного передвижения по миру (в заданную точку, без таможенного контроля и бесплатно). Теория для Тони была вторична. Иначе говоря, авторство его не волновало. Разве что деньги. Но романтику деньги пофиг (пока не прижмёт, правда).

– Правда? – удивилась Подравка истории профессора и Лиз.

Честно сказать, Тони и сам удивился: как вообще могут быть связаны любовная история Доджа и их с Подравкой «пикеты»? Совершенно разные, на первый взгляд, мотивы (в случае с Майком – безответная любовь, смерть человека; в случае с ним и Смешту – непротивление диктатуре в прошлом, запоздалое раскаяние), но результат один – попытка исправить положение. «Может, в этом и суть?» – задавался вопросом Тони. И Додж, и он с Сучкой так или иначе ощущали вину (во всяком случае, дискомфорт, потерю равновесия), искали выход и, образно говоря, всё это время копались в мусоре, дышали грязью и покрывались пылью.

Такая позиция многое объясняла, и если всё так, его нехитрый гаджет не многим отличался от пылесоса.

VI. Пылесос

*Люди болеют просто от жизни.
Майкл Каннингем, «Снежная королева», из мыслей
Эндрю*

От жизни они как раз и болеют, размышлял Тони под впечатлением романа Майкла Каннингема «Снежная Королева», удобно устроившись на подоконнике в съёмной квартире на Sacadura Cabral. Вид из окна примирял с неизбежностью: черепица крыш, слева море, внизу тротуар – чисто выметенный самим же Тони; осень.

И тут внезапным порывом ветра отовсюду поднялись сухие листья – жёлтые с красным прообразы психически неуравновешенной радости. Поднялись и безумным многоголосием забились о стекло, раму, отдаваясь ужасом в голове у Тони, беспорядочно влетая в комнату, кружась там и плавно оседая на пол, клавиатуру компьютера, деревянный стул и книжные полки. Некоторые (и особо выдающиеся «психи») летели дальше и достигали входной двери, словно попали в тоннель под проспектом Мира у Крестовского моста в Москве и с жёлтыми лампами по стенам. Ехать бы в таком тоннеле бесконечно, подумал Тони, да и автобус в тоннеле – как «пикет» (следствие богатого воображения на фоне безответной любви, где вывоз мусора происходит на интервале между влюблённостью и равнодушием).

Спустя минуту листья стихли. Тони поднялся, включил пылесос и принялся за уборку. К несчастью, листья не давались. Они застревали в щётке, и оттого возникал надрывный шум. Пылесос не справлялся, что и понятно – он не рассчитан для сбора крупных частиц. Гомес насупился – мог бы и догадаться. Мог бы, но не догадался и теперь мысленно измельчал листья в пыль, надеясь улучшить конструкцию щётки, затем трубы, схемы управления и, наконец, системы утилизации. Пылесос походил на жизнь, и Тони казалось: усовершенствовав его, он упростит и своё положение в галактике.

В галактике между тем творилось невообразимое: последние изыскания указывали на присутствие в Млечном пути ещё одной чёрной дыры, планетологи из Калифорнии предсказывали новую планету в Солнечной системе, а специальные датчики в Антарктиде фиксировали стремительное ослабление магнитного поля Земли.

Тони собрал нападавшие листья в пакет.

На смену листопаду пошёл дождь. Колебания магнитного поля на самом деле были обычным явлением и в отсутствие приличной статистики имели лишь умозаключительную природу. Чего не скажешь об РФ: после оккупации Крыма Россия в большинстве развитых стран воспринималась как источник стратегической угрозы. Если дыру и девятую планету, размышлял Тони, надо ещё увидеть, то в случае с РФ её агрессивная природа давно доказана.

На лице у Гомеса отразилось смятение. Привычка играть событиями доставляла лишь кратковременное удовольствие, но дальше всё: возвращались уныние и неопределённость. Как и положено, принцип неопределённости Гейзенберга распространялся на всё сущее, включая дворников и астрономов-мечтателей. Зато днём раньше Тони купил наконец долгожданный телескоп – подержанную модель Sky-Watcher с зеркальной системой Ньютона, диаметром объектива 200 мм и максимальным увеличением в 400 раз.

Прибор хоть и был подержанным, но вполне работал. Как и планировал, Гомес установил его на крыше, а управлял им с компьютера, и уже первые снимки созвездия Треугольника вышли необыкновенно чёткими и даже красочными (Тони добавил им цвета – фотографии не уступали картинам «Хаббла»; было нечто ускользающее в них от определения, но понятное взгляду).

На взгляд Тони, снимки Треугольника побуждали думать и создавали вполне отчётливое настроение возможности перемен – перемен к лучшему, – ощущение лёгкости и в конечном итоге предчувствие счастья. В последние 2–3 недели он систематически сканировал небо и изготовил целую папку подобных и не менее впечатляющих работ. Каждую картину он сопровождал небольшим эссе из жизни инопланетян, распечатал и показал Лекстор.

– Тони, ты гений! – воскликнула медсестра. – Это можно продать. Всё ж лучше, чем вывоз мусора.

– Да кто ж это купит?

И всё же купили. Не сразу, конечно. Картины, признаться, были своеобразными, но не такой уж и андеграунд. Для начала Лекстор развесила их у себя в клинике, и больные обрадовались – с полотен им открывались звёзды, а заодно и чудо воображения. Постепенно «ожили» и Гомесовы инопланетяне – короткие тексты о них легко запоминались, от картины к картине тексты связывались в сюжет, хотя и без сюжета всё было ясно: жизнь за пределами Земли полна захватывающих событий, понятных, но не всегда доступных обычным людям (а тем более больным, как в случае с больными Лекстор).

Выставка в больнице привлекла также внимание специалистов галереи Берарду в Лиссабоне (Museu Coleção Berardo), и после недолгих переговоров Лекстор продала им творчество Тони, включая будущие его работы на год вперёд. Деньги небольшие, зато при деле, подумал Гомес, да и больным приятно. Его картины были как пылесос: бесшумная модель с универсальной щёткой и минимальным энергопотреблением. Даже во сне больные проникались радостью и покоем.

Уже к лету он изготовил необходимое по контракту количество картин и вдруг задумался: что дальше? Работа дворника ему нравилась (Тони не собирался бросать её), незапланированные «пикеты» прекратились, и он по-прежнему был влюблён. Влюблён и точно знал почему: Тони привязался к ней, а Лекстор нет. Она ценила его дружбу, ей нравились его

руки, но она не любила его. В отличие от отношений, близких к родственным (с перспективой скуки и так далее), отсутствие взаимности придаёт смысла, меняет цели и развивает воображение.

К воображению добавим звёзды (регулярные наблюдения за галактиками доставляли Тони ни с чем не сравнимое удовольствие), рассказы из жизни инопланетян и ставшие уже страстью для него опыты с перемещениями в пространстве. Короче, дел у него хватало, и вопрос о будущем (что дальше?) постепенно отпал.

Последние картины, к слову, выполненные им для Берарду, как раз и отражали настроение Тони: жить одним днём и в своё удовольствие. События его рассказов происходили в галактике М22 (фантастические виды, скопления сверхновых), а инопланетяне, обитавшие там, постоянно влюблялись. Они влюблялись, переживали сильнейшие эмоции, но этим их отношения и ограничивались. Вопрос о детях не стоял (при необходимости их получали путём клонирования), никакого брака, взаимной ответственности и совместного быта.

Вряд ли такой сюжет понравился бы папе римскому, но агенты Берарду съели (нетрадиционная этика и церковь – антагонизмы). Нынешний папа вообще был странный, и дело даже не в семейных ценностях, за которые он ратовал, – папа храбро разъезжал по миру, но ни разу не осудил РФ. Кажется, его не беспокоили ни захват Крыма, ни зверства в ОРЛ-

ДО, ни развязанные Россией войны и, конечно, ни поддержка Путиным бесчеловечных диктаторских режимов, включая латиноамериканские. А может, и беспокоили, но папа Франциск предпочитал не высовываться (кто ж поймёт?). От такого папы, стало быть, никакого толку, одно расстройство.

Между тем профессор Додж зашёл в тупик.

Он так и не понял принципов действия гаджета Тони. Во всяком случае, он не смог привести какие-либо формальные доказательства своих предположений. В итоге Майки ограничился описанием явления, привёл пару гипотез и опубликовал статью в *National Geographic*. Материал, помещённый в рубрике «Большая идея», получился весьма интригующим.

«Перспектива за мгновение оказаться в любой точке земного шара, – писал он, – не так уж и фантастична». Далее следовало краткое описание теории (ароматы, квантовый скачок, транзит) и приводились условия (минимальные и достаточные) для реализации идеи. Всё наше познание, по словам да Винчи, начинается с ощущений. Опытный образец уже готов. «Вопрос времени, – заключал Майки, – от силы год».

Так и вышло. Статья содержала с десяток фотографий, снятых Тони во время его «странствий», включая последние пикеты в Симферополе, Алеппо и русскоязычных анклавах Латвии. Из-за спешки фотографии не отличались качеством, но уже к марту восемнадцатого Тони работал впол-

не осмысленно, для съёмки использовал зеркальную камеру и частично решил задачу управляемого перемещения. Опыт явно опережал теорию. Профессор Додж выглядел обескураженным и почти смирился с поражением.

В целом версия Тони насчёт энергетического скачка подтверждалась, в том числе и математически, но в какой-то момент квантовый переход из одного состояния в другое становился множественным и уловить (зарегистрировать) конкретную динамику становилось невозможно; математика ускользала, оставалась гипотеза.

Поведение стаи непредсказуемо, убеждался Майк, ломался и возвращался к работе всё реже, задумываясь, однако, всё чаще о фрактальной теории Бенуа Мандельброта, всегда изумлявшей его своими последствиями: простое рождает сложное, из неживого (со временем и постепенно) образуется живое.

Множество Мандельброта он представлял как фундаментальный принцип упорядочения природы (рекуррентное соотношение $z_{n+1}=z^2+c$), но связать этот принцип с квантовой непредсказуемостью было архисложно (и вместе с тем невероятно притягательно). Через понятие антиэлектрона Поль Дирак уже пытался объединить квантовую физику и теорию относительности. Пытались многие, а наиболее успешной попыткой стало открытие Стивенем Хокингом излучения чёрных дыр (так называемое «излучение Хокинга»). Но ведь Майки не Хокинг и не Поль Дирак. Беда профессора –

он медленно думал. Связь тем не менее напрашивалась сама собой: при некоторых условиях энергетической целостности квантовые переходы (на которые ставил Тони и добился гораздо большего, чем ожидал, – его гаджет исправно работал), вполне возможно, стабилизировались и, образно говоря, управляли стаей. В пользу такого допущения свидетельствовали и Тонин гаджет, и сама, как полагал Майки, *стратегия сдержек и противовесов* (в эволюции суть рекурсивная функция), задающая тон всему существу (а не Бог, к примеру, папа римский или Роберт Мугабе).

Роберт Мугабе тем временем решил продлить свои обязанности диктатора Зимбабве, РФ добилась отмены западных санкций и теперь расправляла крылья, а Северная Корея нанесла ядерный удар по США, но промахнулась (ракета упала в Тихий океан, произведя лишь волну у островов Гилберта). Таня Лекстор окончила университет, Подравка Смешту сменила работу и теперь продавала интим-услуги (виртуальный секс, дополненная реальность), а Тони увлёкся литературной деятельностью.

На этот раз он задумал роман, отказавшись от иллюстрированных рассказов, коротких эссе и заметок с подтекстом. Эти подтексты и вообще всё короткое напоминали ему Фейсбук – сообщество потерянных незнакомцев, именующих себя друзьями (незаслуженно, большей частью от амбиций, безысходности или того хуже – от скуки).

Гомесу, однако, не было скучно, он не испытывал безыс-

ходности и не нуждался в незнакомцах. Люди? Люди давно убили бы его, и то, что он ещё жив – не их заслуга, а лишь осторожность самого Тони. Он ощущал себя животным. Испуганным животным сродни кролику, к примеру, или полевой мышью и оттого способным хитрить, играть и притворяться, не чураясь в том числе подлости. Подлость, правда, была театральной; скорей ремаркой, и если кто-то страдал от неё, то сам же автор. Короче, люди лишь мелькали в его спектакле, не имея конкретной надобности и на правах массовки.

Некоторое время он размышлял над сюжетом будущего романа. Сюжет не давался (предыдущие его эссе отвлекали, тянули назад), но всё же дался, и в марте восемнадцатого Гомес приступил к работе.

По замыслу команда исследователей Марса, проведя на планете без малого три года, решает изменить программу (частный проект Nozomi Hinode inc., безвозвратная экспедиция) и отправляется на спутник Юпитера Ио. Весьма рискованное предприятие, но Марс их больше не привлекает (как и Земля), к тому же они свободны, и не всё ли равно, где умереть, а так есть возможность убраться подальше: прочь от мусора, бессмысленных запретов и навстречу неизвестности. «Технически не особенно удачное решение, – писал Тони в заметках к плану будущей книги, – но жить в будке (пусть и тщательно оборудованной) безвылазно, с минимальным движением и безо всякой пользы – как контроль государства над экономикой: глупо и постыдно (Хайек – “Пагуб-

ная самонадеянность», смотри также: “Колыбель для кошки”, “Ветер в ивах”, “Жак Превер – идиот”; зауглнить: Сесиль Вессье, Карен Давиша, Юпитера спутники, Ян Новак-Езёраньский, Оливия Лэнг)».

Итак, 17 июня 2039 года посадочный модуль Rainbow Ноах («Радужная мистификация») стартовал с марсианской площадки вблизи поселения № 20 и отправился к Ио. В состав экипажа входили Паскаль Годье – инженер Европейского космического агентства из Портсмута, Англия, Генри Ослик – диссидент из России, руководитель лаборатории Intelligent Dynamic Procedures, профессор когнитологии Ширнесского университета, Ширнесс, Англия, и астрофизик Катя Смит, Сорбонна, Франция (урождённая Лена Гольц из Облучья, Еврейская автономная область, РФ).

Бывает, что вагон пустой, а всё равно тесно, размышлял Гомес, представив ангар марсианского поселения и в нём троих – обречённых на смерть (пусть и добровольную) под видом освоения новых территорий. Ведь ясно же: пройдёт время – и люди поступят с этими «территориями» так же, как обошлись с Землёй, то есть загадят их. Каким-то образом человек так и не приобрёл навык уборки (ключевой рефлекс выживания, по мнению Тони), а единственным разумным мотивом космических путешествий, допускал автор (и вместе с ним его персонажи), могла быть любознательность.

Набрав необходимую для преодоления гравитации Марса скорость, Rainbow Ноах продолжил полёт в космическом

вакууме и лишь с помощью самодельного двигателя коррекции, изготовленного Генри Осликом из пылесоса. Тони намеренно ввёл эпизод с пылесосом для придания роману очевидной неправдоподобности. Правда, рассуждал Антонио, необходима в СМИ, хороша в науке, документальном кино, однако скучна в художественном повествовании. Он не понаслышке был знаком с так называемым соцреализмом в СССР и пропагандой в РФ – с него хватит. Пылесос к тому же являл прекрасную метафору. Признаться, уже тогда Тони начал задумываться о грандиозном, как казалось, проекте с дорожным пылесосом *Bucher CityCat 1000*, научиться водить который он мечтал и намеревался в будущем оснастить его своим «переместителем в пространстве».

Достигнув Ио, Тонины герои успешно посадили корабль на поверхность спутника и, к немалому удивлению, нашли его вполне пригодным для жизни. Во всяком случае, чрезвычайная геодезическая активность здесь, открытая аппаратами «Вояджер» ещё в 1979 году, была не такой уж и чрезвычайной. Самым тяжёлым на Ио оказалось построить защищённое от радиации укрытие, некий дом, более-менее просторный, чтобы не испытывать физический (а в большей степени психологический) дискомфорт. В результате, изрядно намучившись, астронавты соорудили надувной ангар, предусмотрительно изготовленный ещё на Марсе. Ангар имел антирадиационное покрытие внутри и снаружи, соединялся герметичным шлюзом с кораблём и получал чистой-

ший воздух от генератора Rainbow Ноах.

Чем занять себя, вопросов не было – друзья много читали (их электронная библиотека содержала сотни терабайт данных), слушали музыку, смотрели фильмы, научно-популярные передачи и историческую хронику. Как и на Марсе, каждый увлечённо занимался своими хобби: Паскаль Годье писал картины (пейзажи Ио и иллюстрации к детским комиксам о приключениях их группы в космосе), Ослик работал над машиной для извлечения кислорода из диоксида серы, изобилующего на спутнике, а Катя Смит вернулась к документальному кино (увлечению всей жизни) и снимала вторую часть их одиссеи – «Часть вторая. Ио». «Часть первая. Марс» была отправлена на Землю годом ранее и имела там если не оглушительный, то вполне серьёзный успех на рынке инопланетных видео.

Всё бы так и шло, но однажды неподалёку от станции ожил вулкан. На карте Ио он обозначен как *патера Локи* (по имени бога хитрости в скандинавской мифологии). Из кратера пошла лава, и лишь в последний момент астронавты вскочили в свой космолёт, едва успев подготовиться к старту и запустить двигатель. Им повезло – спустя мгновение их аппарат уже поднимался над беснующейся поверхностью спутника и, взяв курс чуть левее Юпитера, отправился в сторону Альфа Центавра, ближайшей к ним двойной звезды.

Казалось, это был их последний полёт, но нет. Волею судьбы и благодаря космическому ветру (этот вселенский пыле-

сос, похоже, знал своё дело) в июле 2041 года путешественники достигли Плутона и, выйдя на его орбиту, пристыковались к заброшенной к тому времени станции Julius Meinel Европейского космического агентства. Довольно просторный корабль оказался полон топлива, запасов еды и вполне комфортабельным для длительного полёта. Предыдущая экспедиция покинула аппарат около года назад, и опять же – без ведома ЕКА, явно не в сторону Земли и на свой страх и риск.

Примечательно – как и наши друзья «марсиане», всё большее количество экспедиций, снаряжённых преимущественно частными компаниями, срывались с места (нарушая планы и предписания) навстречу неведомому. «Как, должно быть, им надоело жить, – писал Тони, – и как соскучились они по безрассудству».

К середине повествования его герои всё ещё кружат вокруг Плутона, но безрассудство вновь побеждает – они сходят с орбиты и устремляются на поиски загадочной Девятой планеты. Её точные координаты до сих пор не установлены. «Тем интереснее», – рассуждает Паскаль. В любом случае, из землян они ближе всего к обнаружению нового объекта. Хотя и ясно – при периоде его обращения вокруг Солнца от 10 до 20 тысяч лет найти Девятую планету живыми у астронавтов вряд ли получится. Смит терзают сомнения. «Хочу как раньше», – записывает она в дневник и в какой-то момент замыкается, пытаясь разрешить дилемму: умереть сейчас или позже. Дилеммы, однако, нет. «Как раньше уже не

будет, – утешает её Ослик. – В основном только хуже. Лишь изредка что-то там прояснится, и то ненадолго».

Исходя из партиципаторного характера мира, наблюдая за реальностью, человек меняет её. По словам физика Джона Уилера, мы не просто наблюдатели, мы – участники процесса. В результате возникает то, что мы обыкновенно называем происходящим.

– И только? – удивилась Лекстор, прочтя рукопись и найдя её скучной.

В сущности, так и было. Роман выглядел заурядным, он не содержал заметной интриги и уж тем более хеппи-энда. Замкнутое пространство корабля, невесомость и радиация сделали своё дело: первым умер Годье, затем Ослик, а спустя время и Катя Смит.

Они не нашли Девятую планету, но их путешествие имело универсальный и всеобъемлющий смысл наблюдения. Планета же была лишь формальной целью. Человеку необходима цель, на самом деле любая – она как воздух, вода (еда, естественно) или обособленность галактик как одно из условий возникновения жизни. Обособленность является следствием ускоренного расширения Вселенной. Связь обособленности галактик и жизни установлена физиком Раулем Хименесом (Raul Jimenez) из Университета Барселоны (University of Barcelona) в Испании и его коллегами из Израиля, США и Норвегии. Гомес прекрасно помнил публикацию об этом от-

крытии в журнале *Physical Review Letters* примерно год или два назад.

Мысль о наблюдении увлекала.

Что может быть проще, размышлял Тони, наблюдать и тем самым менять реальность. Если подумать, наблюдение являлось единственным приемлемым занятием Тони с тех пор, как он загорелся астрономией. Занятие несложное, хотя подчас и опасное: всякий раз, наблюдая, Гомес боялся стать свидетелем какой-нибудь грязи (насилия, к примеру, обмана или дорожной аварии у Банного переулка).

Отдельную главу в своей книге он посвятил Джону Уилеру, первым среди квантовых физиков предположившему влияние измерительных процессов на событие. Тони не был, конечно, электроном, но, подобно электрону в атоме, он не имел ни скорости, ни координат (во всяком случае, так казалось). Как, впрочем, и реальность вокруг него – она то была, то неожиданно исчезала, выбирая прямую и повинувшись туннельному эффекту.

Он вдруг представил себя детектором микроволн, а микроволновым излучением, которое Тони улавливал, были голоса людей, их заурядные (и заумные – без разницы) сплетни, посты в Фейсбуке, шум компьютера в его квартире, программа Google и убедительный список найденных ею ссылок, не убеждающих, однако (да и вообще компрометирующих реликтовое излучение фундаментальных знаний).

Роман под названием «Девятая планета» он издал за свой

счёт. Ни одно из издательств, естественно, не согласилось бы печатать столь скучную книгу на конкурентных условиях. Тем не менее тираж разошёлся. Покупали в основном такие же «очкарики», как и он, – недопонятые, беглые родственники в некотором роде и «детекторы фонового излучения».

Но что действительно важно – работая над книгой, Тони переосмыслил как бы «теорию всего» (если таковая возможна – вряд ли): себя, реликтовое излучение протокультур, окружающих (недоверия к ним поприбавилось) и, само собой, предыдущие свои перипетии. В сущности, перемещаясь с «пикета» на «пикет», он был словно элементарной частицей, его новые друзья по Конди, наблюдая за ним, меняли реальность, а сами перемещения по сути воссоздавали, туннельный эффект.

Часть вторая. Туннельный эффект

Электрон на пути из точки А в точку Б, обходя препятствие, не всегда выбирает обходной путь, при этом он иногда ведёт себя подобно волне.

Хуберт Мания, «Стивен Хокинг»

I. Пневматический мусоропровод

Подобно волне? «Для описания свойств квантовых объектов, – прочёл как-то Тони у Хуберта Мании в “Стивене Хокинге”, – был разработан математический метод, действительно показывающий, как электрон проходит все возможные пути от точки А до точки Б: “сумма выше всех предысторий” Ричарда Фейнмана. С помощью этого способа расчёта вероятности движений сквозь пространство-время Фейнману удалось проследить и суммировать все возможные пути электрона».

Каждому такому пути мастер квантовой термодинамики присваивал определённое число, а сумма этих чисел показывала вероятность перехода из одной точки в другую. При этом учитывались все вероятные пути предыстории (отсюда и метод – «сумма выше всех предысторий»). Для макроскопических объектов при таком подходе в конце исчезают все

маршруты, за исключением одного.

Об этом «конце» Тони как раз и размышлял апрельским утром 2019 года, прогуливаясь у океана в Vila do Conde; ведь он и был, как ни крути, макроскопическим и вполне себе движущимся из точки А в точку Б объектом.

Из возможных маршрутов, согласно Фейнману (Ричард Фейнман, Роберт Б. Лейтон, Мэттью Линзи Сандс, «Фейнмановские лекции по физике»), у него был один путь, но на практике, как выяснилось, несколько. Гомес терялся. Туннельный эффект, проявляющийся на субатомном уровне, проявился также и в отношении Тони с его моделью Sniffed and Moved («Понюхал и переместился»). День выдался на редкость прохладным и ветреным. С моря надвигалась туча в форме воздушного шара. Под шаром весело покачивалась гондола, а из гондолы, казалось, выглядывал Альберт Эйнштейн с высунутым языком.

Тони улыбнулся. После некоторого смятения последних месяцев он получил наконец патент на свой гаджет, а точнее – способ. «Way to move, – значилось в документах, – of macroscopic bodies due to the tunnel effect» (Способ перемещения макроскопических тел за счёт туннельного эффекта).

Невзирая на рутину согласования технических деталей, научный совет патентного бюро проявил выдержку. И хотя математическая модель, представленная Гомесом, грешила неточностями, практическая сторона Sniffed and Moved про-

извела впечатление. Серия опытов, поставленная на волон­тёрах, подтвердила заявленный Тони эффект: волон­тёры пе­ремещались, возвращались назад, а само перемещение было вполне управляемым.

«Поздравляю», – написала Лекстор в Фейсбук и пропала. Тони так и не смог дозвониться ни Лекстор, ни её маме, ни Мотиной собаке в специальном приложении для домашних животных. Пропал также и профессор Додж. Он не отвечал на звонки, а отправленные ему SMS ожидали. С этим ожи­данием, забегая вперёд, Тони, хочешь не хочешь, предстояло смириться. Бесконечности нет, отметил он про себя, но есть вещи, о которых никто не знает, когда они закончатся.

Спустя неделю изобретатель повстречал у акведука Подравку. Сучка, однако, не узнала его и лишь смутилась:

– Кто вы?

В самом деле, кто он?

Он был как муха, проспавшая на балконе зиму и вдруг проснувшаяся, не понимая, где она и зачем, из-за долгого анабиоза. Потерев лапками и побившись о стекло, в какой-то момент муха приуныла, но ненадолго. Апрельским утром, когда над морем показалась туча в форме воздушного шара, балконное окно неожиданно приоткрылось и муха вылетела на улицу. А не так уж и плохо, решила она, заработав крыльями, и понеслась навстречу Альберту Эйнштейну с высунутым языком.

Вернувшись домой, Тони посмотрел в зеркало – трудно не

узнать: всё то же лицо, чуть измождённое, но в целом привычное. Слипшиеся волосы, длинная чёлка и булавка в ухе. Если присмотреться, он и правда напоминал насекомое и даже походил на муху – отнюдь не навозную, огромную муху, а скорей средних размеров, с любознательным выражением на морде, без брюшка и, казалось, изголодавшуюся в анабиозе. Гомес действительно хотел есть. Хотел быть признанным и вообще – вернуть поскорей привычное состояние равновесия. На ужин он приготовил салат из помидоров, отварил картошки и украсил её зеленью.

«Что бы послушать такое?» – подумал Тони и поставил «Дежавю» Александра Подрабинека (радио «Свобода»). Эфир минувшего четверга – диссидент (один из последних в РФ совестливых и умных) делился сомнениями, стоит ли ожидать перемен к лучшему в России. Не стóбит. Картофель оказался рассыпчатым, чуть сладковатым, но вкусным.

И всё же, что с ним, не унимался дворник из Конди. Дослушав передачу (странно, рассказ о России не вызвал у него былого интереса – ни радости, ни сочувствия), Гомес позвонил Лекстор.

– Да?

– Привет, это Тони, – обрадовался Тони, услышав знакомый голос.

– Вы не ошиблись?

Голос её звучал приветливо, как всегда эротично, но также и с заметным раздражением.

– Художник, астроном и дворник, – пошутил Гомес, но шутка зависла (он и сам завис). – А профессора Доджа вы хотя бы знаете?

– Знала. Он читал «Машины» в университете.

– И что?

– Читал и читал.

– Понятно.

Тони повесил трубку. Всё оказалось намного сложнее, чем представлялось. Лекстор не притворялась, не играла с ним и уж точно не догадывалась об их близости в недавнем прошлом.

Или догадывалась? Как бы то ни было, она не перезвонила, и Тони загуглил «Лекстор». Подтвердились худшие опасения. Лекстор Мотя Луиза Анна значилась на городском сайте в разделах «Налоги», «Услуги в Конди» и «Связь». Нынешняя Мотя была отнюдь не медсестрой, а продавцом-консультантом в салоне связи Tele2 на Rua da Fraga. Ни о каком Tele2 на улице Фрага Тони не знал, но недоверие к себе было столь отчаянным, что он собрался, вышел на улицу (стояла ночь) и отправился в сторону реки искать Tele2, а заодно подумать.

Других Лекстор на сайте не значилось, с моря дул лёгкий бриз. Как и ожидалось, на месте книжного магазина у Starbucks красовался фирменный, в чёрно-белых тонах салон сотовой связи – модный, со шведскими корнями и удручающе дешёвым тарифом *Você nunca sonhou* («Вам и не сни-

лось», порт.).

Ему действительно не снилось. Он очутился в другой реальности. Параллельная или какая там она была, он не знал, но уже догадывался – перемены, возможно, связаны с его «пикетами». Так и было, наверно. Для уверенности Гомес набрал номер Майки. Тот разозлился (Додж словно ждал его): «Перестаньте звонить мне, я вас не знаю!»

Что ж, нет так нет. Знакомство с людьми опасно. Со временем к ним остываешь, к тому же не ясно, как они поведут себя в критический момент, когда вам понадобится их помощь или простое сочувствие.

В случае с Тони, правда, опасность представляли не столько люди, сколько обстоятельства (бегство из РФ, его любопытство, гаджет, постоянные сомнения в себе; короче, он сам). Реальность в его случае конкурировала с гиперболой. Подавленность, уныние; когда люди в депрессии, меняется их мозг, и чем чаще они в депрессии, тем сильнее он меняется. Связь мозга и реальности удручала, но делать нечего – чего нельзя избежать, можно украсить.

Наутро, посмотрев в Интернете достопримечательности Швеции, Тони отправился в Стокгольм – взглянуть, как работает там система вакуумного сбора мусора. Его усовершенствованный гаджет-переместитель (по документам A device for moving in space, DMS, или просто MS-гаджет) прекрасно справлялся теперь с доставкой в любую точку (без по-

тери сознания, неловких падений, головокружения), и вскоре Гомес уже преспокойно прогуливался у озера в экологическом квартале Стокгольма Hammarby Sjöstad с населением в 25 тысяч (счастливых шведов) и зданиями в стиле функциональной архитектуры.

На глади озера покачивались немногочисленные лодки, а у ярко выкрашенных в цвета радуги коттеджей едва выступали над тротуаром серебристые мусороприёмники – терминалы наиболее передовой в Европе службы отходов. Туннельный эффект в действии (на этот раз применительно к грязи).

Тони заглянул в кафе, взял капучино и вдруг подумал о беспорядке. В соответствии со вторым законом термодинамики, энтропия (или беспорядок системы) либо сохраняется, либо возрастает, но никогда не уменьшается. Не уменьшалась энтропия и в Hammarby, однако точно не возрастала в отличие, скажем, от стран третьего мира, БРИКС, Таможенного союза и непризнанных анклавов РФ, включая Приднестровье, Абхазию, ОРДЛО и тому подобных.

От приёмников по специальным трубам шведский мусор со скоростью 70 км/час летел вниз и собирался в подземном хранилище. Отходы складировались в контейнерах под землёй, откуда их вывозили машины, так что увидеть в городе грузовики – большая редкость. Они не петляли по Стокгольму, а кратчайшим путём направлялись к месту утилизации. Если отходы не поддавались переработке, их сжигали на тепловой электростанции. Энергия ТЭС шла на нужды эколого-

гического квартала. Круг замкнулся.

Превосходный кофе подействовал ободряюще.

Тони сел на паром, соединяющий Hammarby Sjöstad с центральными районами, и, устроившись на корме, стал смотреть, как красиво, неспешно и последовательно отступает от корабля вода подобно расширяющейся Вселенной. Труба канализации, метро, акведук в Конди и в конечном итоге Тонины хождения по «пикетам», подумал Гомес, тоже являются собой туннели. «Вселенная бесконечна, – записал он на обрывке билета, – и скорей всего это шар. Шар, в пределах которого иллюзия бесконечности наиболее убедительна, но что за пределами этого шара – до сих пор не известно».

О причинах сдвига его реальности он тоже ничего не знал. Одна версия, правда, крутилась в его напичканном ароматами мозге, но опять же – гипотеза, и заключалась она в следующем: смещение могло произойти из-за регулярного применения к себе MS-гаджета. Злоупотребление туннельным эффектом, если просто, развило у Тони зависимость. Подобно частицам и античастицам в излучении Хокинга, его нейтроны с положительным зарядом в последний момент словно выпрыгивали из чёрной дыры сознания, создавая тем самым пресловутый сдвиг: без Лекстор, Майка Доджа, Подравки Смешту (и кто знает, без чего ещё).

Сойдя на берег в Старом городе, Тони взглянул на часы. Пора было возвращаться, но возвращаться не хотелось.

В витринах бутиков отражалось закатное солнце, в воздухе ощущался запах дизеля, смазки, водорослей, людей почти не было, а на остановке автобуса сидел Карлсон. Мужчина с пропеллером на затылке курил сигарету и думал. Не красавец, но явно не глупый, он производил впечатление торта со взбитыми сливками (в меру упитанный и, как следовало из трилогии Астрид Линдгрен, любитель поесть).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.